ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 43 (3072) Четверг, 9 апреля 1953 г. Цена 40 коп.

Запросы и требования библиотекаря

У нас в СССР насчитывается 368 тысяч библиотек. В любом населенном пункте страны есть очаг культуры и знаний — библиотека. Даже в далекой Якутии, куда грамота пришла только при советской власти, их более 700. И так — повсеместно. Да может ли быть иначе в Советской стране, где партия и государство неустанно заботятся об изобилии духовной культуры для народа!

С первых дней советской власти, с первых ленинских декретов государство наше развивает библиотечное дело. Из года в год растет количество библиотек — сельских и районных, городских и областных, заводских и клубных, школьных и научных. Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривают новое значительное увеличение их числа — сеть массовых библиотек вырастет еще на 30 процентов. Этот громадный рост, естественный и закономерный в условиях нашего общественного строя, ставит на повестку дня назревшие вопросы библиотечного дела.

Много у нас библиотекарей-книголюбов, энтузиастов, людей инициативных, уважаемых в народе. Недавно прошедшие выборы депутатов местных Советов свидетельствуют о том, что скромный труд библиотекаря пользуется большим уважением в нашей стране — десятки, сотни городских и сельских библиотекарей облечены доверием народа, избраны депутатами Советов.

Широко известны в своих районах Анастасия Васильевна Серебрякова, почти четверть века работающая в Семеновской районной библиотеке Горьковской области, и заведующая Андалалской районной библиотекой в Дагестане комсомолка Патимат Абдуллаева, заведующая Полодовской сельской библиотекой тов. Шерстобитова, завоевавшая уважение жителей Соликамского района Молотовской области тем, что умело и настойчиво пропагандирует политическую, сельскохозяйственную, художественную литературу, и заведующий Абагинской сельской библиотекой Амгинского района Якутской АССР Прокопий Илларионович Винокуров, который организовал передвижки в колхозных бригадах, подготовил из актива молодежи чтечиков художественной литературы.

Мы назвали только несколько передовых библиотечных работников, энтузиастов этого большого государственного дела. Таких людей тысячи. Они постоянно добиваются широкого обращения книги в народе, памятуя ленинский завет о том, что именно в этом следует видеть гордость и славу публичной библиотеки. Так, библиотечные работники некоторых районов Московской области поставили себе целью довести книгу до каждой колхозной семьи. Есть колхозы, как, например, сельхозартель имени Молотова Красно-Полянского района, где это уже достигнуто.

Широк круг обязанностей библиотекаря, особенно в сельской библиотеке, в библиотеке небольшого завода или шахты. Обработать и классифицировать книги, организовать передвижки и группы книгонош, сделать витрину литературных новинок и провести беседу о новой книге, подобрать литературу, необходимую слушателям политкружка, — да разве перечислишь его повседневные дела! И главное — он должен посоветовать читателю хорошую книжку, привить ему любовь к чтению.

Но как это сделать?

Здесь со всей остротой встает вопрос о рекомендательной библиографии. К сожалению, — и это общее мнение библиотекарей, — рекомендация книг поставлена еще слабо. Списки литературы по отдельным вопросам, по отраслям знаний поступают в библиотеки с большим опозданием, а то и вовсе не поступают; каталожные карточки на новые книги, выпускаемые Государственной библиотекой имени Ленина, приходят на места чуть ли не через полгода после того, как книга уже распродана... А ведь библиотекарю надо не только самому разобраться в литературе, но и рекомендовать ее читателю.

Законные претензии предъявляют библиотекари к газетам и журналам — мало рецензий печатают они, медлят с оценкой новых книг. Вообще говоря, газеты мало пишут о нуждах библиотек, о положительном опыте и недостатках в их работе. Иные газеты, освещая библиотечную работу, увлекаются цифирью, неосмысленной статистикой. Вот, например, «Брянский рабочий» в № 155 от 1952 года сообщает, что библиотеку Дворца культуры паровозостроителей посетили 28 тысяч читателей, которым за семь месяцев выдано 45 тысяч книг. На первый взгляд, цифры как будто бы внушительные, а вдуматься в них, и получится, что каждый читатель за семь месяцев одолел всего... полторы книги.

Библиотекари предъявляют счет Союзу советских писателей и его отделениям на местах. Они вспоминают слова Надежды Константиновны Крупской, которая называла писателя естественным другом библиотеки. Так, конечно, и должно быть! Каждый писатель не может не быть горячим другом библиотеки, он кровно заинтересован в правильной постановке библиотечного дела. Однако, когда речь идет о писательской организации в целом, эта заинтересованность, как ни странно, не ощущается. Резкой критики достойно бюро пропаганды художественной литературы ССП — его связь с библиотеками явно недостаточна.

Серьезные претензии имеют библиотекари к издательствам. Речь идет об определении тиражей книг. Часто еще, определяя тираж той или иной книги, издательства не учитывают читательского спроса. И, в частности, упускают из виду то, что вся наша страна учится, забывают о колоссальной сети партийного просвещения, заочного образования, о сотнях тысяч курсов и кружков по различным отраслям знаний. Вот и получается, что во многих библиотеках идет погоня за книжкой, учащиеся «штурмуют» библиотечный прилавок и порой не получают необходимой книги: тиража не хватает. Нередко в сельской библиотеке услышишь, как читатель, заочник педагогического института, настойчиво требует «Поэтику» Аристотеля, а другой читатель, самостоятельно изучающий произведения классиков марксизма-ленинизма, спрашивает «Краткий философский словарь»...

— Книги нет, не поступала, — отвечает библиотекарь.

Происходит это потому, что требования читателя учитываются по-старинке, не принимая в расчет непрерывный рост культурных запросов советских людей.

Недовольны библиотекари и тем, что Государственная библиотека имени Ленина не стала еще научно-методическим центром библиотечного дела в СССР. Такого центра вообще нет.

Уже много лет существует специальная комиссия, разрабатывающая новую классификацию для библиотек, однако результатов ее деятельности пока не видно. Когда будет новая классификация — неизвестно. А сейчас чуть ли не каждая массовая библиотека классифицирует книги по-своему. И это, конечно, затрудняет работу библиотекаря.

Нет обмена опытом лучших библиотек, нет стройной системы повышения квалификации. Нет даже популярного пособия, чего-либо вроде «Справочника библиотекаря», хотя необходимость в нем большая. Местные Советы, которые руководят библиотеками районными, городскими и областными; профсоюзные органы — хозяева своих библиотек; ведомства, которым принадлежат библиотеки научные и специальные, — все они должны бы, наконец, договориться и выработать общие положения библиотечного дела, ввести общую единую систему.

Немало огорчений приносит библиотекарю так называемая техника. Книгу, поступившую в библиотеку, необходимо оформить и «одеть»: подготовить формуляры, «кармашки», заполнить карточку в каталоге и т. д. А все эти несложные, но крайне необходимые в каждой библиотеке предметы весьма не высоки по качеству. Государственного стандарта на предметы библиотечной техники нет. Вот и возятся библиотекари, своими силами оформляя книжку. Сколько драгоценного времени отнимает это дело у них!

Особый вопрос о библиотечной мебели — стеллажах, прилавках, шкафах и прочем. Никто ее не производит. В лучшем случае библиотеки даже в крупнейших городах заказывают ее артелям, платят втридорога, да и качество такой мебели неважное. Пора, давно пора ориентировать одну-другую из государственных мебельных фабрик на производство библиотечной мебели. Проблема была бы решена, библиотеки страны получили бы удобную и прочную мебель.

Теснота — бич многих библиотек, даже таких, как Московская городская библиотека имени Некрасова. Надо сказать, что городские и районные исполкомы порой не уделяют достаточного внимания «жилищам» своих библиотек. Так, Омский горисполком поставил в нетерпимые условия детскую библиотеку. Осенью 1952 года на одной из сессий Калининского городского Совета депутаты подняли вопрос о том, что большинство библиотек расположено в тесных, мало приспособленных помещениях.

Забота о библиотеке должна быть постоянной, кровной заботой каждого местного Совета. А строительство библиотечных помещений следует планировать так, как, к примеру, планируется у нас ныне школьное строительство. Этого требует жизнь — ведь число библиотек растет и будет расти дальше.

Таковы некоторые требования и запросы библиотекарей. Эти требования следует удовлетворить! Весь наш народ, горячо любящий книгу, видящий в ней своего друга и советчика, заинтересован в этом.

БРИГАДИРЫ

Владимир МАТОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

1. Вместе с обязательными спутниками весны — стаями перелетных птиц — летят с юга вести о ходе сева. Район за районом, область за областью вступают в ответственный и напряженный период работ. На страницах газет появляются колонки цифр выполнения посевного плана. С годами мы привыкли к ним, зачастую читаем эти сводки, не представляя себе конкретно, что скрывается за цифрами. Их значение ощущаешь полней, если весной приходится совершить далекое путешествие по воздуху.

С быстротой пяти километров в минуту мчится самолет, но проходят часы, проходит день, а внизу всё поля, бесконечные поля Советской страны. В Подмосковье они еще наполовину белы, под Курском снег остался только в оврагах, а дальше, до самого моря — два цвета: зеленая озимь и жирночерные прямоугольники распаханных пашен.

Бывало в эту пору на полях — великое множество упряжек, подвод, плугов, борон; и — сеятель. С севалкой на ремне через плечо, мерным шагом двигался он по полю, широкими взмахами, в строгом ритме поднималась рука, а у особенно искусных и обе руки поочередно, и с силой брошенные пригоршни зерна, рассыпавшись в воздухе расходящимся веером, ложились на землю.

Не такая уж старая, а какая далекая картина! Теперь едешь по степи в какой-нибудь из районов, скажем, Краснодарского края и только диву даешься: поля не только не пестрят упряжками, поля пустынны. «Отсеялись, что ли?» — спросишь водителя. «Нет, сеют», — спокойно ответит тот.

Весенний ветерок доносит стрекотанье мотора, вот видишь вдали, как блеснула металлическая деталь на ярком солнце, и через несколько минут, мягко рокоча гусеницами по пухлой, глубоко вспаханной земле, надвигается «Сталинец», ведя за собой три двадцатичетырехрядные сеялки, засевающие «в один след» полосу в десять с половиной метров. Механизмы сеялок не «почти», а с абсолютной точностью, равномерно и на нужную глубину, рядами закладывают в чернозем семена. Без заметного напряжения движется трактор. Он еще долго тарахтит, задержавшись на развороте, а не успеешь выкурить папиросу, смотришь, — и трактор и сеялки уже скрылись из вида.

Теперь на севе две главные фигуры — бригадир полеводческой бригады и бригадир тракторного отряда. Александр Иович Ятковский — директор Кущевской МТС Краснодарского края, у которого мне довелось побывать, и председатель правления колхоза имени Сталина Демьян Кузьмич Федотов, возможно, думают об этом иначе.

Директор МТС в пять часов утра уже в своем кабинете, «висит» на телефоне; у него в подчинении сотни людей, в его распоряжении десятки тракторов, огромна его ответственность. Он руководит одной из передовых МТС. Весь день, а случается, и ночью директор — в степи. К нему сходятся все нити, его заботят десятки тысяч гектаров, в разгар посевной он еще ухитряется проводить собрания, занятия и помнить о множестве мелочей.

Конечно, и председатель колхоза — лицо куда более значительное, чем бригадир. Даже на внешность Демьяна Кузьмича масштабы его работы наложили свою печать. У него уже выработалась привычка держаться солидно, слов на ветер не бросать. Руководить ему приходится делами сотен людей.

Бригадир же, будь то тракторного отряда или колхозный полевод, это всего-навсего бригадир — человек, направляющий работу десятков людей. И все же на вопрос, кто же те движущие сев главные шестеренки, от деятельности коих в первую очередь зависит успех кампании, я, не задумываясь, назову скромных бригадиров.

2. Было около десяти часов утра, когда я с Демьяном Кузьмичем в кузове трехтонки, занятой подвозом семян, подкатил к полевому стану второй полеводческой бригады колхоза имени Сталина. Я уже слышал о бригадире Иване Ивановиче Тесля, приготовился увидеть его в разгаре кипучей деятельности и соответствующим образом описать. Но меня ждало разочарование. Своего будущего героя я застал погруженным в сон.

Одетый в залоснившийся шубный пиджак из овчин черной дубки, Иван Иванович спал, сидя на скамье, уткнувшись лицом в положенные на стол, согнутые в локтях руки. Стол был чисто вымыт, выскоблен, вероятно, той самой колхозницей, стряпухой бригады, которая только что поставила перед бригадиром глубокую тарелку с дымящейся жирной кашей. Сквозь чисто вымытые стекла сквозили солнечные лучи, свеже выбеленные стены сияли. Снаружи ветер весело трепал солому на ометах; на утоптанном пространстве между домом и конным двором несколько жеребят-третьяков, ошалев от весеннего пьяного воздуха, радостно взбрыкивая, резвились без привязи.

Разбуженный бригадир с заметным усилием поднял голову, долго смотрел на председателя, потом на меня. Черноволосый, без бороды и усов, он показался мне лет пятидесяти. Наконец, бригадир поправил съехавшую на лоб кубанку, провел рукой сверху вниз по загоревшему, обветренному лицу, задержал руку на небритом подбородке и довольно вяло ответил на приветствия.

— Вот, Иван Иванович, — начал председатель, — приехал из Москвы товарищ... Интересуется, как у нас протекает посевная. Вы должны разъяснить и достижения и трудности, — нажимая на соединительные гласные, сказал Демьян Кузьмич.

— Это можно, — тотчас согласился Иван Иванович.

А затем последовало молчание.

Когда пауза показалась мне слишком продолжительной, я стал задавать вопросы. Бригадир оживился и мягким говорком, примешивая к русской речи украинские слова, не задумываясь, перечислил размеры площадей, нормы высева и прочие цифры. Я записал, что план посева яровой пшеницы в бригаде 253 гектара, ячменя и овса — 171, то есть общая площадь раннего сева — 424. На них прежде всего «закрывают влагу» — дважды боронят всю площадь, потом культивируют, затем засевают «вперекрест».

Я подсчитал, что таким образом всего тракторам придется обработать 2.120 гектаров. Но дальше того дело не пошло. Сообщив, что сеют только кондиционным зерном, что в каждой бригаде свои семенные участки, что все семена своевременно протравлены, Иван Иванович начал посматривать на меня с некоторым недоумением: чего же, мол, человеку еще нужно?

Я спросил:

— Дней в десять, в двенадцать уложитесь, товарищ Тесля?

— Та ни... — склонив голову на бок, застенчиво улыбнувшись, определив легким пожатием плеч свое отношение к такому наивному вопросу, ответил бригадир. — У чотыры. Мы ж у две смены. Тилькы першую ночь робили до двух, а после круглы сутки. Свету на усих тракторах много. Влагу уж везде позакрывали.

Так вот почему мы застали бригадира заснувшим в неурочное время за обеденным столом. Трактористы и прицепщики, отработав смену, ложатся спать. Бригадиру во время сева спать приходится только урывками. Ночью и днем он бывает и на бороньбе, и на севе, и на культивации — на каждом из девяти работающих в бригаде агрегатов. А расстояния между участками — два, три и до четырех километров.

Сроки сева в Краснодарском крае теперь действительно рекордно короткие. Если сев зерновых в большинстве МТС края еще в сорок девятом, в пятидесятом годах заканчивали в течение десятидневки, то теперь здесь укладываются в четыре-пять дней. Такова мощь сельскохозяйственной техники, когда ее умеют использовать полностью, когда люди работают организованно и с душой.

3. С бригадиром тракторной бригады Аполлоном Ивановичем Фесенко, трактористом с двадцатилетним стажем, руководящим бригадой с сорок третьего года, мне удалось познакомиться позже, на севе ячменя.

Солнце на бледно-безоблачном, точно вылинявшем по-весеннему небе стояло еще высоко; с Кавказа дул резкий, поднявшийся с полудня холодный ветер. Ровная, неоглядная, иссиня-черная распаханная степь простиралась во все стороны. Вокруг — ни холмика, ни кургана, ни дерева, ни единой отметины. Только на очень далеком горизонте сквозь степное марево едва маячила лесная полоса да вилась над пашней, козыряла, вероятно, перестраиваясь для дальнейшего пути, стая гусей.

Гонимый ветром, подпрыгивая, прокатился кустик «перекати-поля», и я сообразил, что за целые полдня мне попалось на глаза всего несколько этих, столь обычных в степи, путешествующих сорняков.

Возле железной бочки, лежавшей на границе поля, в том месте, куда издалека направлялся трактор с сеялками, стоял, любуясь воздушными эволюциями гусей, высокий, плотного сложения человек лет сорока, в меховой шапке, в замасленном брезентовом пальто и высоких сапогах. Моя рука утонула в его здоровенной ладони. С широкого обветренного бритого лица смотрели спокойные глаза.

— А вот достижение, — нимало не задумываясь, ответил Фесенко на вопрос Ивана Ивановича, провожая взглядом одинокий подпрыгивающий вдали куст «перекати-поля», все еще заметный на темном фоне пашни: — от сорняков избавились. А главное достижение — поля... Как обработаны, обратили внимание? — чуть улыбнувшись, спросил меня Аполлон Иванович. — В пятидесятом все только ахали бы, а нынче — будто так и надо. Считается — ничего особенного. Отсюда все: и урожайность, и не стало ни курая, ни осота, ни иной сорной дряни. У товарища Матяш Михаила Алексеевича, нашего старшего агронома, в кабинете висят диаграммки, там все достижения очень наглядно представлены, — не переставая улыбаться, продолжал Фесенко. — Против пятидесятого года урожайность по МТС поднялась на 56 процентов потому, что пахать стали на тридцать сантиметров. Структура почвы восстанавливается, урожаи растут, черные бури кончились — все достижения... Только, — шире улыбнулся Аполлон Иванович, — наша-то роль здесь маленькая. Наша роль — в срок отремонтировать, не прозевать, если где гайка ослабла, как полагается, смазать, подвинтить, в общем мелочи. Это вот чьи достижения, — кивнул Фесенко на приближающийся «Сталинец».

Как олицетворение мощи, с ровным рокотом, поблескивая на солнце рефлекторами фар, надвигался он на нас с тремя сеялками.

— Засевает 78 гектаров в смену. А только в нашей МТС таких около сорока да 75 колесных. Вот это действительно достижение.

Трактор прошел мимо нас, развернувшись, описал широкую дугу, вывел сеялки на следующую полосу и остановился. Из кабины выбрался тракторист, с сеялок соскочили девушки-прицепщицы. Вместе с Фесенко мы направились к сеялкам; следом тронулся грузовик.

— С семенами, Иван Иванович, смотри, — на ходу обратившись к Тесле, недовольно бросил Фесенко. — Можете задержать, семян все время в обрез.

Колхозный бригадир не обиделся:

— Бачишь: целая машина.

В сеялки сыпалось золотистое отборное зерно.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО

НА 29 ЯЗЫКАХ

Общественность Москвы отмечает 130-летие со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского. Его творчеству был посвящен вечер в Центральном доме работников искусств. Профессор В. Филиппов подчеркнул огромное значение драматургии А. Н. Островского для развития русского театра. На правдивых обличительных произведениях драматурга воспиталось целое поколение талантливых артистов.

В нашей стране любят и ценят наследие великого драматурга. Его пьесы переведены на 29 языков и поставлены более чем в 880 театрах страны, в бесчисленных колхозных, рабочих, школьных самодеятельных кружках. Ежегодно в театрах только Российской Федерации ставится около 14 тысяч спектаклей А. Н. Островского. Почти все его произведения вошли в репертуар Государственного академического Малого театра, который по праву назвали «Домом Островского».

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА

В этом году Гослитиздат завершает выпуск 16-томного собрания сочинений А. Н. Островского, предпринятого в 1948 году по постановлению Совета Министров Союза ССР. Это — наиболее полное из всех когда-либо издававшихся собраний сочинений великого русского драматурга. Оно включает не только все его оригинальные драматические произведения, а также пьесы, написанные в соавторстве с другими литераторами, переводы иностранных пьес, но и прозу, статьи о театре, литературную критику, речи, дневники, почти полный свод писем. Советским литературоведением проделана большая работа по изучению и восстановлению подлинных текстов сочинений А. Н. Островского, подвергавшихся искажению царской цензурой.

Большую ценность представляют три заключительных тома — 14, 15 и 16-й, — посвященные эпистолярному наследию писателя, впервые собранному воедино. Печатаются письма, находящиеся в государственных московских и ленинградских хранилищах, в частных архивах.

В ряде писем А. Н. Островский выступает как горячий патриот своей родины, борющийся за процветание русского театрального искусства. Из этих писем видно, в каких тяжелых условиях жил и творил А. Н. Островский: он подвергался притеснениям цензуры, был окружен враждебным отношением администрации императорских театров, испытывал постоянно, несмотря на необычайно плодотворную работу, материальные лишения.

В одном из первых писем о пьесе «Свои люди сочтемся», запрещенной царской цензурой к постановке в ее первой редакции, А. Н. Островский писал: «Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать. Твердо убежденный, что всякий талант дается богом для известного служения, что всякий талант налагает обязанности, которые честно и прилежно должен исполнять человек, я не смел оставаться в бездействии... Будет час, когда спросится у каждого: где талант твой?»

В эти дни подписчики получают четырнадцатый том, включающий письма 1842—1872 годов. Пятнадцатый том, который выйдет в июле, содержит письма 1873—1880 годов. В шестнадцатый войдут письма последних пяти лет жизни великого драматурга.

Совещание по вопросам древнерусской литературы

В Москве состоялось созванное отделением литературы и языка Академии наук СССР совещание, посвященное вопросам древнерусской литературы.

Выступивший со вступительным словом академик В. Виноградов говорил о том, что до сих пор изучение древнерусской литературы еще не получило должного развития. Между тем разработка вопросов распространения письменности на Руси, периодизации литературы XI—XVII веков, изучение связи литературного мастерства с народно-поэтическим творчеством имеют огромное значение для воссоздания полной научной картины развития русской национальной культуры.

Академик В. Виноградов подверг критике ряд зарубежных исследований, неправильно трактующих древнерусскую литературу как составную часть культуры феодальных верхов и упрощенно объясняющих происхождение и значение отдельных литературных явлений, стилистических и языковых особенностей литературы XI—XVII веков.

Критическому анализу подверг работы Института русской литературы Н. Гудзий. Он подробно остановился на отдельных выпусках трудов по истории древнерусской литературы, изданных институтом. Н. Гудзий отметил большой интерес новых исследований, посвященных «Слову о полку Игореве», а также публикации замечательных литературных памятников — «Повесть временных лет», «Хождение за три моря Афанасия Никитина» и других.

Проблемы развития советской сатирической комедии

8 апреля состоялось расширенное заседание президиума правления Союза советских писателей СССР, посвященное проблемам развития советской сатирической комедии.

Доклад сделал Е. Сурков. В обсуждении приняли участие В. Пименов, Н. Кладо, А. Софронов, В. Ермилов, С. Михалков, В. Кожевников, Н. Тихонов, Ю. Оснос, К. Симонов, А. Суров, генеральный секретарь Союза советских писателей А. Фадеев.

Материалы заседания президиума будут опубликованы в «Литературной газете».

Создано издательство изобразительного искусства

В Москве создано новое издательство — Изогиз. В нем сосредоточен выпуск всей массовой изобразительной продукции, которым занимался до последнего времени ряд издательств: при Третьяковской галерее, Академии художеств, Московском товариществе художников, Киноиздат, а также «Искусство», где теперь будет издаваться только литература по вопросам театра, кино, изобразительного искусства и т. д.

Изогизу предстоит коренным образом улучшить в первую очередь выпуск художественно-политических плакатов, художественных репродукций, открыток, качество которых не раз подвергалось справедливой критике в печати.

Большими тиражами будут издаваться портреты, настенные репродукции, воспроизводящие картины русских классиков и лучшие произведения советских художников. Будет увеличено издание художественных альбомов, знакомящих население с культурными ценностями, хранящимися в наших музеях, а также альбомов с видами городов, курортов и других мест нашей Родины. В новом издательстве сконцентрировано и производство всей массовой фотопродукции, в том числе художественных открыток.

Дворец науки в Харькове

ХАРЬКОВ. Все шире развертываются работы на строительстве высотного здания Харьковского государственного университета имени А. М. Горького.

По своему объему (305 тысяч кубических метров) это здание будет самым крупным на Украине. 18-этажную центральную часть увенчает сорокаметровый металлический шпиль. Строители Харьковского университета широко используют опыт сооружения высотных зданий в Москве. В настоящее время ведется рытье котлованов, кирпичная кладка стен.

Сооружение харьковского Дворца науки проектируется закончить в 1955 году.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Новые школы строить по-новому!

Наш коллектив сектора архитектуры школ и детских учреждений Научно-исследовательского института архитектуры общественных и промышленных сооружений Академии архитектуры СССР обсудил статью «Снаружи и внутри», помещенную в «Литературной газете» 3 марта 1953 года. Мы одобряем статью и считаем, что в ней правильно и своевременно поднят важный вопрос о недостатках в проектировании и строительстве школьных зданий.

Школьное строительство в СССР достигло огромного размаха и продолжает расти быстрыми темпами. Архитектура школьных зданий непрерывно совершенствуется. В новых типовых проектах значительно повышены архитектурные качества, улучшено решение архитектуры фасадов и всей планировочной структуры школьных зданий.

В новых типовых проектах значительно увеличены, по сравнению с действующими, состав и площади школьных помещений, что, несомненно, поможет дальнейшему улучшению санитарно-гигиенического режима в новых школьных зданиях.

Однако, несмотря на несомненные достижения школьного строительства и типового проектирования, они все еще сильно отстают от требований, предъявляемых жизнью.

Коллективу нашего сектора, хорошо знакомому с состоянием проектирования и строительства школ, хотелось бы указать на некоторые важнейшие недостатки, которые препятствуют дальнейшему подъему архитектуры школьных зданий.

В качестве одной из важных задач культурного строительства XIX съезд партии наметил завершение к концу этой пятилетки в столицах республик и крупнейших промышленных центрах перехода к всеобщему среднему образованию. Не менее важная задача, поставленная съездом, — приступить к осуществлению политехнического обучения в средней школе. Это определяет характер нового школьного строительства и вызовет, очевидно, необходимость создать новые типы зданий, в том числе школ с интернатами.

Ясно, что позаботиться об этом должны в первую очередь Академия педагогических наук и Министерство просвещения РСФСР. Между тем предложения по корректировке новых типовых проектов в соответствии с требованиями политехнического обучения (без значительного удорожания стоимости строительства), составленные в Академии архитектуры, так и остались нереализованными. И до сегодняшнего дня ни Министерство просвещения РСФСР, ни Академия педагогических наук не дали по этому вопросу никаких указаний.

А пока проектирование школьных зданий базируется в основном на программах 1935 года. Естественно, что практика проектирования вносит свои коррективы в эти программы, однако изменения очень разнородны в разных республиках Советского Союза, а подчас и не обоснованы.

В 1951 году Академия архитектуры разработала программу и основные положения для проектирования школ на 880 учащихся. Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства рекомендовал руководствоваться этой программой при проектировании школ для Москвы. Но для других городов и сельских населенных пунктов до сих пор еще нет утвержденных программ на проектирование школьных зданий. Надо ли говорить, какой это вызывает разнобой и кустарщину при проектировании?

Изменение программы на проектирование школьных помещений тесно связано с вопросом о лимитах кубатуры и стоимости. Основным показателем экономичности школьного здания считается до сих пор размер наземной кубатуры здания, сравниваемый с лимитом кубатуры, установленным еще в 1935 году для школ без актового и физкультурного залов, без некоторых других учебных и учебно-вспомогательных помещений. Академия архитектуры не раз предлагала уточнить лимит кубатуры, а главное — ввести определение экономичности школьных зданий по показателям стоимости. Но эти предложения до сих пор не приняты. Большие возможности удешевления школьного строительства путем унификации элементов школ и внедрения новых прогрессивных методов индустриального строительства остаются неиспользованными из-за отсутствия научной разработки этих проблем.

В то же время президиум Академии архитектуры СССР в 1951 и 1952 годах отменял комплексные темы нашего института и Института строительной техники по разработке новых высокоиндустриальных типов зданий для массового строительства. И это, несмотря на наши настоятельные просьбы.

Серьезные недостатки в школьном строительстве, особенно задержка с разработкой новых типовых проектов, объясняются в первую очередь неорганизованностью. Государственным планом типового проектирования на 1952 год было предусмотрено участие трех учреждений в разработке новых типовых проектов школьных зданий. Но с самого начала в выполнении плана типового проектирования не было установлено надлежащего порядка. Из-за этого работа по созданию новых типовых проектов школ сопровождалась вредным параллелизмом и ненужным дублированием, возникли нездоровая борьба за авторство и ведомственная «конкуренция».

В проектировании школьных зданий до сих пор процветают местничество, «частные» заказы проектов. Небольшая группа архитекторов — «специалистов по школам» — продолжает сохранять монополию в школьном строительстве. До сих пор не организован открытый конкурс на проекты школьных зданий.

Из-за всего этого план типового проектирования на 1952 год был сорван, выполнение его перенесено на 1953 год. Проектные задания типовых проектов были утверждены не в первом квартале, а только в конце 1952 года, и то не по всем типам зданий.

Один из проектов школы на 880 учащихся, предварительно одобренный Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам строительства еще в сентябре 1952 года, до сих пор окончательно не утвержден, что может вызвать срыв плана типового проектирования и в этом году.

Чтобы ликвидировать все эти серьезнейшие недостатки в проектировании и строительстве школьных зданий, надо в первую очередь создать современные, научно обоснованные программы на проектирование, программы, учитывающие задачи всеобщего среднего образования и политехнического обучения.

Следует быстро наладить организацию типового проектирования, ликвидировать монополию небольшой группы архитекторов, широко привлечь к этому делу архитектурную молодежь и ведущих мастеров советской архитектуры.

Мы должны создать для наших детей прекрасные, светлые и удобные школьные здания!

По поручению коллектива архитекторов — С. ЗМЕУЛ

ЖИЗНЬ ПОДСКАЗЫВАЕТ...

В. ЕЛИСЕЕВА,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

— А ведь тоскливо так жить!

Все невольно обернулись к окну. Человек, у которого вырвался этот возглас, кивнул вдаль. За сосновой рощицей далеко виднелся одинокий хутор. Вокруг — ни жилья, ни людей.

За окном вагона мелькали поля, голубые озера Латвии. Вот скрылась с глаз черепичная островерхая крыша, и вновь показался и пропал за невысоким холмом другой дом, такой же одинокий, отстоящий от ближайшего соседа на два-три километра.

— Может, привыкли люди в одиночестве век коротать? — роняет в раздумье один из пассажиров.

Но это разом опровергает несколько голосов. Завязывается разговор, который часто слышишь в поезде Москва—Рига. Тут звучит и хозяйское беспокойство за артельные дела: «поди, оповести каждого колхозника! Ноги обломаешь!», и делаются экскурсы в прошлое: «кулакам хутора нужны были, спокойнее жилось!», и, наконец, решительное утверждение: «не станут так колхозники жить! Психология не позволит».

Видимо, последний довод и заставил вступить в разговор молчавшего до того пассажира.

— Вот, вы говорите... психология, — повторил он глуховатым голосом с едва заметным латышским акцентом.— Это, конечно, верно. Коллективный труд, колхозная жизнь меняют сознание людей. Но любви к одиночеству у латышского крестьянина не было и раньше. Не по своей воле он на хуторе.

— Столыпинская реформа? — высказал догадку один из собеседников.

— Нет! История более давняя. Столетия насчитывает.

Это замечание, оброненное рижанином в разговоре со своими случайными спутниками, заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

Буржуазные латышские историки без устали пропагандировали выгодную их хозяевам лженаучную теорийку, не изжитую и по сей день. На всех перекрестках твердили они о будто бы исконном индивидуализме латышского крестьянина, о своеобразном складе его психики, души, якобы тяготеющей к одиночеству, к хуторской идиллии.

«В Латвии никогда не было деревень. Хуторская система существовала здесь вечно»,— провозглашал один из усердных лакеев латышской буржуазии историк Швабе.

Вся эта псевдонаучная стряпня призвана была скрыть от народа правду, замаскировать хищническую политику «голубых» и «серых» баронов, усилиями которых одна за другой уничтожались в Латвии деревни, а обработанные земли переходили во владение помещиков. Согнанные с насиженных мест, крестьяне вынуждены были расселяться по лесам в одиночку и заново обрабатывать целину.

В латышском языке есть слово «спридзинашана», что значит «взорвать». В былые времена его довольно часто ставили рядом со словом «деревня», и оно стало употребляться как некий термин, определяющий судьбу деревни: «взорванная»! Так выразительно и сильно, в едином слове, народ раскрыл процесс насильственного уничтожения деревень, который начался еще в средние века и продолжался беспрерывно. Довершил его глава кулацко-плутократической клики буржуазной Латвии Ульманис.

Сами названия многих имений сохранили до недавнего времени память о существовавших некогда на этих землях деревнях: Арциемс, Поциемс и другие. Циемс — это и значит в переводе «деревня».

Вопреки практике насильственного уничтожения деревень, вопреки лживым теориям об органическом, неистребимом индивидуализме, латышский крестьянин упорно держался за деревню. Но удавалось ему отстоять ее лишь в том случае, если земли вокруг были бедны и к ним не тянулись алчные руки помещиков. Эти немногие уцелевшие селения разбросаны по разным уголкам Латвии среди массы хуторов.

***

Колхоз «Накотне» — зачинатель новой жизни в латышской деревне. Ему посвящали стихи латышские поэты; о нем писали повести; сюда часто приезжали делегации из всех уголков республики. На полях этой артели выращиваются богатые урожаи. Вот уже несколько лет подряд благодаря применению достижений агробиологической науки колхоз получает зерновых более двадцати центнеров с гектара, сахарной свеклы — 350, овощей — 260. На фермах разводятся лучшие породы крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы. Удой коров крупной латвийской породы достиг трех с половиной тысяч литров молока в год от каждой.

Растет и крепнет экономика колхоза. Денежный доход приближается к полутора миллионам рублей. За минувшие пять лет маленькая артель выросла в крупное, многоотраслевое хозяйство. В росте общественного хозяйства колхозники видят залог своего благополучия, дальнейшего процветания артели.

Инициаторы колхоза твердо верили в правильность избранного пути. «Накотне» — «Будущее». Это будущее вскоре стало счастливым настоящим для всего латышского крестьянства. В упорной классовой борьбе росли и крепли молодые сельскохозяйственные артели республики, объединившие ныне 98 процентов крестьянских хозяйств.

Более 100 машинно-тракторных станций (они оснащены богатым парком сельскохозяйственных машин, среди которых—комбайны для уборки хлеба, льна и свеклы), мелиоративные станции, превратившие тысячи гектаров заболоченных земель в плодородные нивы, — все это стало явью, вошло в быт латышского крестьянина.

Теперь, при новой жизни, при коллективной работе, с особой остротой обнаружились все отрицательные стороны хуторской системы.

Не сразу приняло общее собрание колхоза решение создать поселок. Как ни очевидна для всех была выгода сселения, но нелегко хуторянам отказаться от привычной жизни, сняться с насиженного места. В горячих спорах победу одержали сторонники сселения.

Новый поселок вырос на месте, где стоял небольшой хуторок с амбарчиком и скотным двором. По обеим сторонам широкой улицы расположились колхозные дома; в каждом по четыре-пять комнат; у дома — садик, огород. Поодаль — скотные дворы, амбары.

Теперь, когда позади все трудности, связанные с переездом на новые места, новоселы вспоминают свои споры с улыбкой.

Вот другой колхозный поселок—Аудрини, тоже созданный в послевоенные годы. С землями, где раскинулся он, связана одна из трагических страниц борьбы латышского народа с фашистскими оккупантами. 243 крестьянина — все население Аудриней — были расстреляны фашистами, а дома их сожжены дотла.

— Думали, и трава не станет расти на этом пожарище, — вспоминают крестьяне.

В центре нового поселка колхоза имени 1 Мая воздвигнут памятник жертвам фашизма. Вокруг расположены: здание правления артели, библиотека, почта, семилетняя школа, жилые дома. Неподалеку — помещения колхозных ферм.

Благоустроенный культурный поселок, богатые угодья, светлые классы школы — все это воспринимаешь, как памятник тем, кто отдал свою жизнь за родную землю.

Есть и еще в Латвии места, где крестьяне покончили с хуторской обособленностью. Но новых селений — единицы. Всюду, куда ни кинешь взгляд, разбросаны по полям колхозов малые и большие хутора в окружении примитивных мелиоративных канавок. Они стоят на пути трактора и комбайна, сдерживают движение колхозов вперед.

Свыше двух тысяч гектаров занимают земли колхоза имени Сталина Балдонского района. За немногие годы своего существования колхоз достиг больших успехов. Уже на второй год после создания артели доходы равнялись 670 тысячам рублей, а на следующий — миллиону. Из года в год растет поголовье скота. Разбит молодой фруктовый сад, строятся теплицы.

Председатель колхоза Петр Рутыньш убежден, что, не будь такой помехи, как хутора, колхоз развивался бы куда интенсивнее. Его поддерживают все присутствующие в конторе. Доказательства следуют одно за другим.

— Можете себе представить: колхозный скот разбросан в сорока местах!

Агроном Анна Кондрате, молодая женщина с темными косами, уложенными короной вокруг головы, водит пальцем по карте владений артели:

— Вот здесь одна свиноферма, здесь,— палец скользит в противоположный угол,— другая, а вот третья! Всего шесть мест. Лошади помещаются в девяти местах, коровы — в семи.

Зоотехник Эльза Лебедева говорит о серьезных трудностях в своей работе.

— Чтобы заглянуть на каждую ферму, а правильнее сказать, на все отделения ферм, надо сделать 20—30 километров. Сил не хватает!

Кто-то говорит о севооборотах, о том, как мешают хутора их введению. Председатель признается:

— Здорово мешают хутора правильной организации труда. Много времени теряют бригадиры на сборы своих людей! Словно камни в борозде для плуга, так и хуторская система для нас, колхозников.

В уголке конторы, у печки, беседует группа женщин. Одна рассказывает, как в годы Великой Отечественной войны ей довелось впервые пожить в русской деревне.

— Вернулась, и так сиротливо стало мне на хуторе. Все вспоминаю широкую улицу, как вечерами собирались девушки, песни пели. Найдешь свободную минуту, к соседке забежишь или она к тебе. А тут бывает и человека поблизости не увидишь!

Колхозницы заговорили о детях. Как хорошо было бы им в поселке: не надо бегать в школу за 7—8 километров, под рукой оказался бы и детский сад.

Сколько матерей-колхозниц озабочено теми же вопросами!

***

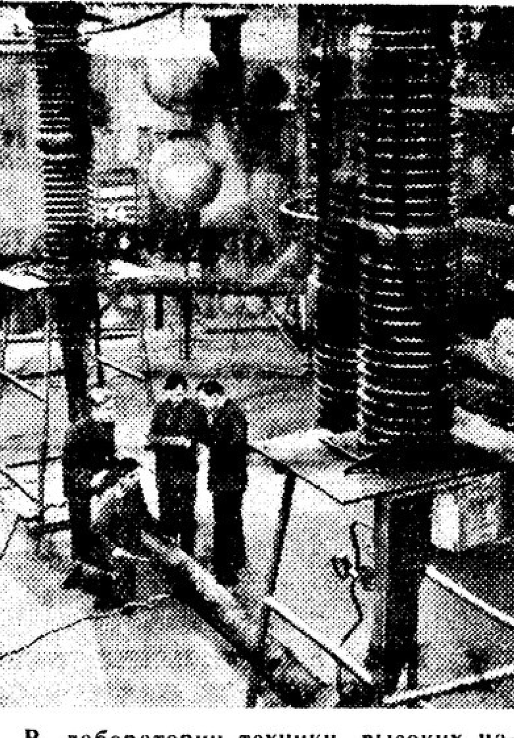
Более года назад в некоторых районах Латвии началось движение колхозников за сселение хуторов в поселки. Этого требовала сама жизнь: хозяйственные интересы растущих артелей, интересы каждого колхозника.

Колхозники Латвии стремятся покончить с обособленной хуторской жизнью. Они прекрасно сознают, какие широкие перспективы открывает перед колхозами новая, социалистическая деревня.

За послевоенное пятилетие в колхозах Латвии открылись десятки Домов сельскохозяйственной культуры, сотни клубов, школ, медицинских пунктов. Но как трудно бывает порой колхознику, отдаленному от них десятью, а то и двадцатью километрами, добраться до этих очагов культуры.

Создание поселков, разумеется, требует серьезной и всесторонней подготовки, активной помощи и поддержки города-друга. А когда сбудется и эта мечта, рожденная самой жизнью, свободным коллективным трудом, — еще легче и радостнее будет двигаться вперед.

РИГА

В лаборатории техники высоких напряжений Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина). Осмотр нового высоковольтного кабеля, конструкция которого создана в содружестве с инженерами завода «Севкабель».

Фото В. ФЕДОСЕЕВА

В Институте генерального плана Москвы

Хорошеет столица нашей Родины — Москва. Красивы ее благоустроенные магистрали, площади, улицы, подземные дворцы метро, высотные здания.

По генеральному плану реконструкции столицы за десять лет (1951—1960 гг.) в Москве будет построено десять миллионов квадратных метров новой жилой площади, четыреста школьных зданий, расширена сеть детских яслей, магазинов и культурно-бытовых учреждений.

Для упорядочения проектно-планировочных работ был создан Институт генерального плана города Москвы. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» директор института тов. А. Устинов сказал:

— Основная задача института — это дальнейшая детальная разработка на научной основе генерального плана реконструкции столицы и ее пригородов.

Объем жилищного строительства в ближайшие годы будет доведен до миллиона квадратных метров в год. Институт обобщает и изучает опыт массового индустриального строительства и застройки жилых кварталов в районе Песчаных улиц. Практика показала, что очень экономично сооружение сборных домов с железобетонным каркасом и крупными панелями стен и перекрытий. У нас уже есть проекты постройки сборных жилых домов в 8—10 этажей.

Круг градостроительных работ не ограничивается только жилищным и культурно-бытовым строительством. Коллектив института разрабатывает вопросы организации быта во вновь застраиваемых районах, решаются проблемы теплофикации, электроснабжения, транспорта, благоустройства и озеленения. Одна из наиболее сложных задач института — это разработка вопросов упорядочения внутригородского движения. Создается комплексная схема, предусматривающая разгрузку основных магистралей от части транспорта, пропуск его по соседним улицам, строительство в местах интенсивного движения — на перекрестках—тоннелей и т. д. Создается проект новой автомагистрали и кольцевой автомобильной дороги вокруг города.

Москва будет городом зелени и цветов. Только за последние три года в столице высажено свыше миллиона деревьев и более пяти миллионов кустарников.

Генеральный план реконструкции нашей столицы предусматривает не только работы в черте города, но и благоустройство пригородной зоны в радиусе пятидесяти километров. В подмосковных районах будут построены дачные поселки на сто тысяч человек; проекты поселков составляются нашими мастерскими. Сейчас идет работа над проектом планировки и застройки ближней зоны отдыха москвичей — «Серебряного бора». Разработаны проекты реконструкции парков и садов столицы.

ФЕЛЬЕТОН

Вольные птахи

Рано говорить, что нет тунеядцев, — посмотрите только на «юриста» Алексея Дмитриевича Пучкова! Он нигде не работает. Но сыт, пьян и, как говорится, нос в табаке. Пальцем не пошевельнет, сидит, не двигаясь. А деньги сами к нему плывут, как будто рождаются из пены морской...

Лицом Алексей Дмитриевич благообразен, даже привлекателен, на щеках с ямочками — здоровый румянец беспечного, сытого человека. Прошлое у Алексея Дмитриевича, по всем анкетным данным, незапятнанное: институт окончил с оценками вполне приличными, служил в армии, после армии вернулся не к кому-нибудь, а к собственной жене и детям. Какой безупречный человек! Посмотрела на него Екатерина Гусева, заведующая продовольственным ларьком, и сразу определила: он!

Однако — по порядку... Когда Алексей Дмитриевич демобилизовался и прошли первые дни беззаботной радости, его жена—Зоя Васильевна — как-то сказала своим пятерым детишкам:

— Вот и папа вернулся, работать теперь начнет, — и невольно вздохнула, вспоминая, как трудно было без мужа во время войны.

Все знакомые Алексея Дмитриевича тоже радовались его приезду, советовали, куда поступить на работу, приглашали в гости. Навещая их, Пучков всюду встречал радушный, сердечный прием.

Но по одному адресу — в ларек, приютившийся в тени ветвистых тополей в самом конце окраинной улицы, он начал заглядывать особенно часто. И, как ни странно, тоже по приглашению. Зазывала его туда сама Екатерина Гусева.

— Выпей еще, — уговаривала она хмелеющего гостя.— Вино какое!

— Денег нет, — признавался гость.

— А я в долг поверю.

— В долг невкусно.

— Ну что ж, тогда даром. Я вольная птаха,— делаю, что хочу.

И Пучков пил. Пил раз, и два, и много раз.

— Проводи-ка меня после работы домой, —говорила Екатерина Гусева.

Долг платежом красен. Пучков провожал, не возражал.

Обо всем этом его жена узнала от него же самого. Недовольная начавшимся беспробудным пьянством близкого человека, попробовала остановить его:

— Не пора ли, Алексей, работать, а?

— Чего захотела! — огрызнулся Пучков.— Смотри лучше на Екатерину: она, хоть и посторонняя, а не так ко мне относится. Если б, говорит, был моим мужем, я бы и за себя, и за тебя работала!

«Обиженный» юрист хлопнул дверью и вышел на улицу.

— Алеша, куда ты?

— К той, которая понимает, что значит настоящий мужчина!

Только теперь Зоя Васильевна поняла, что и смолоду, в первые годы после брака, душа у ее Алеши была с гнильцой, с червоточиной. Он ведь всегда работал неохотно, в разговорах, которые затевал, постоянно подчеркивал: гордись, Зоя, тем, что тебе выпало счастье иметь такого красивого мужа.

Но обратимся к Екатерине Гусевой. Ну, а она-то знала, с кем связывает свою судьбу? Известно ли было ей, что покоритель ее сердца, как она его называла, — отец пятерых малолетних детей?

Да, «вольная птаха» знала. Но ее меньше всего волновала судьба разрушающейся семьи. Ей важно было другое: ее новый кавалер знаком с юриспруденцией! И хотя это слово трудно выговаривается, но значением его Екатерина Гусева отнюдь не пренебрегала.

«Легкую жизнь с выпивкой» она предоставила «покорителю своего сердца» совсем не бесплатно. Пучков, который иногда послуживал в качестве юрисконсульта, платил ей своими знаниями юриста, давал ей различные советы.

Бросив жену, юрист-надомник моментально забыл и о своем отцовском долге, а также и о всех советских законах, относящихся к этому. А когда жена напомнила ему, что он обязан хотя бы давать средства на содержание детей, Пучков совершил очередную подлость: стал укрываться от алиментов и продолжает это занятие до сей поры — седьмой год!

Но как, спросит читатель, оценивает все это общественность города Калинина, где проживают «вольные птахи» — юрист Пучков и Екатерина Гусева? Знают ли про это, например, местные органы прокуратуры и суда?

Да, знают. О проделках Пучкова исписано много бумаги, ему посвящены дела в папках, которые постепенно пополняются новыми документами и аккуратно хранятся в судебных инстанциях районного, городского и областного масштаба.

Однажды в кабинете прокурора даже состоялся вежливый разговор:

— Гражданин Пучков, почему вы уклоняетесь от уплаты алиментов?

— Что вы, что вы! Я не уклоняюсь, я просто, знаете ли, никак не могу найти подходящее место.

Прокурор снял телефонную трубку и за семь минут нашел Пучкову то, чего тот якобы не мог найти семь лет.

Делать ничего не оставалось: пришлось Пучкову поступить на подысканную для него должность. Но едва он услышал, что прокурор заболел гриппом и несколько дней не будет на работе, как немедленно уволился. Пусть все знают: с юриста Пучкова не так-то легко взыскать алименты, если он не желает их платить! Это был уже четвертый по счету случай, когда Пучков с этой целью бросал работать. Пятеро детей ждут от отца помощи, но это его не волнует, он, знай себе, провожает «вольную птаху» Гусеву в столовую, где она теперь служит экспедитором. Там он поджидает ее на бочке подле стойки. Нет-нет, да и перепадет бездельнику кружка пива.

Терпеливы работники юстиции в Калинине. Но, наконец, спустя шесть лет, и у них лопнуло терпение. 25 августа 1952 года из областного управления Министерства юстиции в адрес народного судьи первого участка Центрального района тов. Козловой пошла бумага с грозными словами: «Произведите тщательную проверку причины невзыскания алиментов...»

Судья — в который раз! — ответил, что Пучков не работает, а значит, взыскать с него нечего.

Пока служители Фемиды в городе Калинине почесывают затылки и спрашивают себя: «Что делать?» — вольные птахи Пучков и Гусева и в ус не дуют — нет им никакого дела до морали советских людей, до законов социалистического общежития.

П. ДУДОЧКИН

г. КАЛИНИН

По следам неопубликованных писем

Рабочие шахты № 7 треста «Молотовуголь» комбината «Москвауголь» написали в редакцию жалобу на неправильное отношение к людям со стороны главного инженера шахты В. Варганова. Редакция направила это письмо в Министерство угольной промышленности СССР.

Как сообщил в редакцию начальник контрольно-инспекторского отдела при министре, после проверки фактов на месте министерство объявило строгий выговор В. Варганову за отсутствие надлежащего контроля при ведении горных работ, плохую организацию труда и грубое обращение с подчиненными.

***

Редакция получила письмо читателя тов. Деригина, который указывал на то, что Калужский горисполком не предоставляет помещений для книжной базы и библиотечного коллектора. Книги, присылаемые областному книготоргу, хранились в сарае с дырявой крышей и портились.

Редакция направила письмо тов. Деригина в Калужский обком КПСС. Заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома тов. В. Шестопалов сообщает, что факты, указанные в письме, подтвердились. В настоящее время облкниготоргу переданы помещения для книжной базы и библиотечного коллектора.

Тов. Шестопалов сообщил также, что в Калуге будут открыты два специализированных книжных магазина.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГОЛОС КОРЕИ

В литературе бывают такие счастливые события, когда небольшая, всего в несколько десятков страниц, книжка рассказывает читателю о многом.

Мне кажется, что именно такой книгой является небольшой сборник стихов корейского поэта Се Ман Ира, недавно изданный в библиотеке «Огонек» (**Се Ман Ир, «Моя Корея»**, 1953, 30 стр).

Се Ман Ир — один из типичных представителей героического народа Кореи. Поэту 33 года. С тринадцатилетнего возраста он познал тяжелый труд, работая грузчиком в портах Токио и Иокогамы, чернорабочим на стекольном, металлургическом и сахарном заводах.

Писатель прошел школу революционного подполья, выпуская в 1941 году в университете (куда ему с неимоверными трудностями удалось поступить) нелегальную газету, организуя на борьбу корейских патриотов. Затем он познакомился с другим, обычным для революционера «университетом» — тюрьмой.

Когда корейский народ получил в 1945 году из рук Советской Армии свободу и независимость, член Трудовой партии Се Ман Ир отдал своему народу всю свою «звонкую силу», помогал создавать новую корейскую литературу, написал ряд пьес, поставленных корейскими театрами. Ныне советский читатель имеет возможность познакомиться в русских переводах со сборником стихов поэта-бойца «Моя Корея».

В этом сборнике 16 стихотворений.

Поэт говорит о чувствах любви и благодарности к советским людям-освободителям и о решимости корейского народа отстоять свою независимость. В небольшой поэме «Кочжедо» (хорошо переведенной Н. Грибачевым) Се Ман Ир страстно говорит о своей вере в то, что этот остров слез станет островом счастья и расскажет, «чтоб знали все народы, о мужестве, о торжестве свободы и о победе мира над войной!».

В стихотворении «В родном краю» поэт находит исполненные искренности и гражданского пафоса слова о народности отечественной войны против захватчиков, а в прекрасном стихотворении «Мост» читателю запоминается символический и в то же время глубоко реалистический образ старика, готового служить живым мостом через реку, заменить собою взорванный врагом мост!

Если б спину свою
мостом сделать я мог,
поперек этой речки немедленно б лег,
чтоб солдаты —
защитники нашей земли —
поскорее
к победе пришли!

(Перевод В. Журавлева)

Скорбь и горечь подавляют и обессиливают людей, которых заставляют сражаться за неправое дело. Но они удесятеряют силу борцов за дело народа. Я вспоминаю осень 1950 года в Корее. По прожженной напалмом и пропаханной снарядами корейской земле шагали интервенты, и радио на всех языках оглушительно кричало об их близкой победе.

В эти дни я разговаривал со многими корейцами. И я не заметил и тени уныния в людях, с которыми мне пришлось говорить. Да, их сердца были исполнены горечи, а в глазах, казалось, надолго застыл отсвет пожара, зажженного Уолл-стритом в Корее. С великой душевной болью говорили они о страданиях, которые причинил Корее враг.

Но и тени сомнения не увидел я ни в глазах корейцев, ни в их словах. Люди говорили, что будут бороться, чего бы это им ни стоило. Об этом же говорили их глаза.

С тех пор прошло более двух с половиной лет испытаний и борьбы. А корейский народ попрежнему непоколебим. И об этой стойкости и о вере в лучшее будущее говорят стихи Се Ман Ира.

Тем, кто скорбит о разрушениях, он напоминает пример восставшего из руин Сталинграда («Из пепла»), напоминает, что «не только затем, чтоб с бедою покончить своею, а за счастье всего человечества бьется Корея» («Поздней осенью»), а стихотворение поэта «Вы молите нас о пощаде»—это мужественная и страстная декларация принципов справедливости и гуманности, присущих Народной армии. Обращаясь к дрожащему от страха пленному интервенту, поэт говорит:

Не мы затеяли эту войну.
Мы не зверье,
мы люди.
Не бойтесь нас,
когда вы в плену,
Но в бою
вам пощады
не будет!

(Перевод Я. Хелемского)

«Моя Корея» — большая удача поэта, написавшего стихи мужественные, суровые и одновременно оптимистические, исполненные веры в народ, в победу.

Александр ЧАКОВСКИЙ

ПРОФЕССИЯ, А НЕ ЧЕЛОВЕК

На двадцать второй странице своего романа «**Ткачи**» (Кострома. 1952) **Алексей Никитин** изложил с необыкновенной точностью идею, руководившую им при написании этого произведения. Секретарь партийного комитета ткацкой фабрики Руднев, навестивший молодого инженера Черкасову, подошел к этажерке с книгами и, взяв первую попавшуюся, перелистал несколько страниц, посмотрел оглавление...

«— Не читали? — спросила Черкасова.

— Не читал,— признался Руднев.

— Возьмите, пожалуйста. Это о прошлом ивановских текстильщиков.

— О прошлом — это нужно. А что есть в литературе о настоящем текстильщиков? Вы, наверно, знаете, Ирина Михайловна.

— Из художественной литературы, пожалуй, нет ничего,— не совсем уверенно ответила Черкасова.

— И я что-то не встречал. А ведь жаль, что нет хорошей книги о нас. Есть о металлургах, строителях, шахтерах, а о текстильщиках, которые одевают весь мир, нет. Несправедливо. Как вы думаете? — И снова устремил взгляд на собеседницу.

— Да, несправедливо.

— Вот и я так же думаю. Придется войти с ходатайством в Союз писателей. Тем более, что мы начинаем первыми в стране переходить на выпуск льняных узорных тканей».

В этой длинной цитате нет ни грана иронии. Именно так и понимает автор свою задачу. О текстильщиках книги еще нет, значит, ее надо написать. Такой узкий взгляд на задачи литературы привел Алексея Никитина ко многим другим ошибкам. Его герои—текстильщики живут в замкнутом профессиональном мирке, куда нет входа никому. Только однажды появляется на страницах романа,— а в романе 333 страницы,— секретарь горкома Логинов и лишь для того, чтобы поговорить о тканях. Сетования на то, что искусство не создало произведений именно о текстильщиках, повторяются и в конце романа.

На свадьбе у стахановки Вихревой директор разглядывает картины местных художников.

«— А про текстильщиков нет ничего,— уже недовольно замечал директор.— Наверное, и в магазине нет, а то бы Катерина купила. Почему художники не пишут картин про нас, а?

— Заказать надо,— улыбаясь, шутил Руднев.

— Правильно, правильно! — всерьез поддержал Вершинин.— Пусть приходят к нам, смотрят, изучают. Ткачи! Тема-то какая, сама просится на холст...»

Диалог в этом произведении не имеет художественной нагрузки, не двигает сюжета, не раскрывает характеров. Часть диалогов написана только для того, чтобы одни персонажи охарактеризовали других действующих лиц — тех, для обрисовки которых у автора не хватило времени и желания.

Алексей Никитин — опытный журналист, свыше двадцати лет проработавший в газетах. Как газетчик, он понимает разницу между романом, очерком и заметкой. Полагаю, что, редактируя очерк, он не позволит автору писать примерно так: «Немалую практическую помощь оказал текстильщикам профессор Наумов... За недельное пребывание на фабрике Андрей Петрович помог составить новую технологию узорного ткачества, предложил маслоуловители и самоостановы на цевочных машинах, нитеочистители — на развивальных, новый способ окраски пряжи кубовыми красителями и многое другое». Мне кажется, Никитин-журналист сказал бы, что эта сухая информация портит очерк. Но тем более не место подобной информации в романе. Полагаю, что профессору Наумову совсем не так легко было ввести эту новую технологию,— вводилась она в борьбе. Ведь есть же в романе рутинеры, такие, как Глаздин.

А. Никитин пишет: «Касторской после долгого перерыва в работе было нелегко руководить участком. Ей все хотелось перевернуть сразу, но сразу это не получалось... То не выходил на работу челночник, то поступала партия **брачных** (?) початков, то оказывалась неправильно пробранной основа. Много внимания приходилось уделять инструктажу ткачих и помощников и заниматься прочими делами». А ведь эта Касторская в начале романа выведена как пустая «барынька» — ее так и называют ткачихи,— а потом она становится сознательным строителем нового общества. Вот об этом бы и рассказать, если уж А. Никитин сделал ее героиней произведения!

Я указал только малую часть ошибок А. Никитина, но все они (и те, что не указаны) объясняются тем, что автор пытался написать о специальности людей, а не о самих людях.

Николай АСАНОВ

СТИХ, ПРИРАВНЕННЫЙ К ШТЫКУ

Под многими стихотворениями и поэмами Валентина Тавлая обозначены место и дата написания: «Слоним. Тюрьма. 1929», «Гродно. Тюрьма. 1929», «Вильно. Тюрьма «Лукишки». 1935»...

Читая биографию Валентина Тавлая, то и дело отмечаешь для себя: вся недолгая, необычайно напряженная и выразительная жизнь поэта известна по его стихам. Знакомясь с творчеством этого белорусского поэта и в подлиннике и в переводах, чувствуешь, что перед тобою человек, ощущающий неодолимую потребность в поэтическом высказывании, у которого стих подсказывался и проверялся жизнью.

С самых первых строк Валентин Тавлай заявил о себе, как о поэте-бойце. Одно из ранних стихотворений Тавлая — «Последнее слово» (1929) — это ответ на приговор суда правительства Пилсудского, бросившего его, 15-летнего юношу, уроженца Западной Белоруссии, в тюрьму. Написанное, как обращение к «неправедным судьям», стихотворение это полно веры в силу революционного слова, за которым следует дело тысяч бойцов.

Я все сказал! Черед за приговором.
Пойду в тюрьму. Но знайте, час придет,
И речь мою, я верю, очень скоро
Доскажет баррикадный пулемет.

Тюремные товарищи заучивали стихи Тавлая наизусть; выходя на свободу, они передавали их из уст в уста, и точно нацеленные слова становились грозным оружием. В стихотворении «Памяти товарища Тавлая» Максим Танк рассказывает об узнике, пришедшем к нему на квартиру ночью, с зашитыми в одежду стихами Тавлая.

«Стихом пилю решетку», — писал в 1935 году поэт, приравнявший стих к штыку. Этот стих звал в поход друзей по борьбе. Он распространялся, как листовка, приводил в ярость врагов.

Прокурор сквозь кодекса артикул
Каждую оценивал строку,
Пальцем в строки осторожно тыкал —
За строку по одному годку.

Тавлай отдал жизнь борьбе за воссоединение белорусских земель в едином Советском государстве, борьбе за счастье белорусского народа. Здоровье его было надорвано тяжелыми годами пребывания в тюрьмах, умер он в 1947 году, тридцати трех лет от роду.

Все стихи и поэмы **Валентина Тавлая** умещаются в одну небольшую книгу «**Избранное**» («Советский писатель». Москва. 1952, 106 стр.). Но эта книга «томов премногих тяжелей». Она не оставит равнодушным ни одного читателя, мимо нее не пройдет ни один исследователь белорусской литературы. В ней — сгусток энергии, мысль-действие, благороднейшие порывы молодого человека нашей эпохи. За краткими и ясными, как призыв, строками поэта мы слышим удары его честного сердца, в котором всегда клятвенно звучал могучий и проникновенный партийный гимн «Интернационал».

В «Избранное» включено несколько ранних стихотворений поэта («Перед весной», «Жаворонок», «Девушке» и др.). Эти стихи написаны четырнадцати-шестнадцатилетним автором, они безыскусственны и во многом несовершенны. Но в них — и это главное — уже ощутим поэтический характер. Он в дальнейшем разовьется, ясней проступят черты индивидуальности поэта. Такой характер нельзя было вычитать из книг или придумать, — он определился в революционной борьбе, активным участником которой был автор. С годами этот характер все более закалялся, а заодно росло мастерство Тавлая, добивавшегося прямоты и лаконизма поэтической речи, предельной эмоциональной сгущенности, емкости стихотворного образа.

Какой бы темы ни коснулся Тавлай,—он выступает всегда, как поэт боевого темперамента, активного действия. Чудесные стихи посвящает автор освободившемуся из неволи народу Западной Белоруссии, победе над фашистской Германией, выборам в Советы, Первомаю, учителям своим — Янке Купале и Якубу Коласу, маленькой сестренке. Во всех стихах — и в более удачных и в менее удачных — перед нами цельный поэтический характер, человек мужественный и нежный, бдительный и гуманный. Цельный поэтический характер — качество, которое должно сопутствовать талантливости.

Две последние поэмы Тавлая — «Песня о сухаре» и «Товарищ»—произведения зрелого мастера. «Песня о сухаре», начатая в 1935 году в тюрьме «Лукишки», воспевает героизм белорусских коммунистов, кровную связь их с народными массами. «Товарищ» — небольшая по объему, но очень выразительная и целенаправленная поэма о международной рабочей солидарности. Стих Тавлая в этих произведениях, может быть, и шероховат, но не потому, что автор не умел писать «гладко», а оттого, что поэт стремился передать напряженность борьбы, динамику глубокого чувства. Этот стих, говоря словами Тавлая,

Словно шершавая брата рука,
Брату несущая помощь.

Переводы на русский язык, выполненные коллективом переводчиков под редакцией Б. Иринина, в целом передают особенности поэзии Валентина Тавлая.

В книге Валентина Тавлая читатель обнаружит революционную страстность и глубокую человечность, лаконизм, передающий напряженность пытливой мысли, и естественность стихотворной речи.

Л. ОЗЕРОВ

РЕЙС ДРУЖБЫ И МИРА

Вечером 14 декабря 1951 года советский пароход «Тимирязев» вышел из Одесского порта и взял курс на Геную. В его трюме находился большой груз продовольствия: 50 000 центнеров пшеничной муки, 10 000 центнеров семенной пшеницы, 100 000 банок сгущенного молока и т. п. На пароход были также погружены 20 гусеничных тракторов с прицепными плугами и комплектами запасных частей. Это советский народ посылал свой братский, дружеский дар итальянским трудящимся, пострадавшим от наводнения.

Об этой поездке рассказывает один из членов советской делегации — профсоюзный работник **В. Березин** в своей книге «**Рейс мира**» (Профиздат, 1952, 102 стр.).

Осенние дожди ноября 1951 года и вызванный ими разлив рек затопили в Италии

НЕПОЛНОЦЕННЫЙ СБОРНИК

В «Сборнике статей по киргизской литературе»* опубликованы работы о творчестве родоначальников киргизской советской литературы Токтогула и Тоголок Молдо, статьи о влиянии Горького и Маяковского на киргизскую литературу, статьи о произведениях киргизских советских писателей.

Цель сборника — помочь учащимся высшей и средней школ республики в изучении родной литературы. Полноценных учебников и учебных пособий по киргизской литературе до сих пор еще нет, подобного рода сборник выходит впервые в Киргизии. Надо, казалось бы, приветствовать намерение Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР, взявшегося восполнить серьезный пробел. Но чем ближе знакомишься с содержанием сборника, тем более он разочаровывает.

Встречаются здесь, правда, работы интересные. Это статьи Б. Керимжановой «Образы женщин в творчестве Джомарта» и молодого литературоведа Б. Маленова «Творческий путь Мукая Элебаева».

Большая вводная статья Б. Керимжановой «Киргизская советская литература за 25 лет» по теме имеет принципиально важное значение. Назначение ее — показать общее развитие киргизской литературы, ее успехи и недостатки. Однако статья не совсем отвечает этим требованиям. Автор, в сущности, кратко изложил в ней содержание своей книги, изданной в 1951 году. Статья носит обзорный характер, в ней не прослежен историко-литературный процесс в динамике своего развития.

1920—30-м годам, и без того более или менее полно освещенным в киргизском литературоведении, Керимджанова посвящает около сорока страниц. Литература периода Великой Отечественной войны занимает в ее статье семь страниц. Послевоенная же киргизская литература уложилась вся на... полстраничке. У читателя может создаться совершенно превратное впечатление, будто развитие киргизской советской литературы идет по нисходящей линии.

Многим статьям рецензируемого сборника свойственны схематизм, упрощенность. Так, статьи Т. Уметалиева «Токтогул Сатылганов» и У. Джакишева «О произведениях Тоголок Молдо» не дают правильного представления о творчестве этих выдающихся акынов. У. Джакишев, говоря о Тоголок Молдо, весьма поверхностно разбирает произведения замечательного акына-демократа. «У Тоголок Молдо есть... большая тема — это судьба киргизской женщины. Поэт в некоторых своих произведениях с большой правдивостью показывает бесправное положение и унижение киргизской женщины». И все. Как показана эта «большая тема» и в каких именно произведениях, остается неясным.

У. Джакишев допускает серьезную ошибку, замалчивая противоречия в творчестве Тоголок Молдо, который не поняв реакционной сущности поэзии «заманов», записал антинародный вариант эпоса «Манас». Вместо критики варианта эпоса «Манас», записанного Тоголок Молдо, автор высоко оценивает деятельность акына именно как манасчи. Говоря об эпосе «Манас», грубую ошибку допустил и Д. Самаганов в статье «Максим Горький и киргизская литература». Указывая на то, что Горький призывал переводить на русский язык выдающиеся произведения национальных литератур, автор видит осуществление заветов Горького и в переводе порочного отрывка из «Манаса» — «Великий поход».

Книга датирована 1951 годом, но она вышла в свет с большим опозданием — в конце прошлого года, т. е. уже после дискуссии и конференции по эпосу «Манас». Авторы и редактор обязаны были внести исправления, чтобы грубые ошибки в освещении эпоса не остались в сборнике.

Т. Уметалиев в свое время допустил грубую политическую ошибку, оценив реакционное "Андижанское восстание" 1898 года как "народное". Извращая исторические факты, автор утверждал, будто Токтогул был "идейным вдохновителем восстания" (см. его вступительную статью к «Избранным произведениям» Токтогула. Фрунзе, 1950, перев. с киргизского), тогда как сам акын в своих произведениях говорил о том, что народ предали и что он, Токтогул, не участвовал в восстании. В рецензируемом сборнике Т. Уметалиев дал верную оценку «Андижанскому восстанию», но почему-то обошел молчанием свою прежнюю неправильную позицию.

Одной из важных проблем, на освещение которой претендует сборник, является исследование вопроса о благотворном влиянии русской литературы на литературы братских народов СССР.

В вводной статье Керимджановой ничем не доказано влияние «Бедной Лизы» Карамзина на рассказ К. Баялинова «Аджар». И Керимджанова, и Маленов, и Самаганов отмечают влияние автобиографической трилогии Горького на повесть М. Элебаева «Долгий путь». Но в чем именно сказалось это влияние, ни один из них не показал, хотя Маленов специально посвятил свою статью творчеству Элебаева.

Статьи П. Балтина «Маяковский и киргизская поэзия» и Д. Самаганова «Максим Горький и киргизская литература» вызывают досаду, — настолько теоретический уровень и материал этих статей не соответствуют важности взятых авторами тем. В обеих статьях глубокий анализ подменен общими рассуждениями, декларациями.

Д. Самаганов декларирует: «Произведения Горького являются золотым фондом, а также неиссякаемым источником в познании жизни», они «стали примером для киргизских писателей в изображении жизни методом социалистического реализма», «оказали непосредственное влияние» на писателей и т. д. Но эти декларации повисают в воздухе, так как в статье нет конкретного анализа влияния Горького на творчество киргизских писателей. Автор упоминает вскользь о теме труда в романе Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней» и в повести К. Баялинова «Счастье», но не раскрывает, в чем же выразились здесь горьковские традиции.

Упрощенно понимая влияние Горького, Д. Самаганов искусственно разбил киргизских писателей на три группы. Первые, «следуя примеру Горького, учились писать, глубоко анализируя социальный рост жизни». Вторая группа писателей «научилась писать автобиографические повести». Наконец, «третья группа писателей», которые, «следуя философскому произведению Горького «Девушка и Смерть»... продолжают его (традиции)». И вот в такую надуманную схему автор статьи стремится втиснуть творчество киргизских писателей. При этом Самаганов ограничивается лишь описанием внешних черт сходства между произведениями Горького и киргизских писателей, то есть, по сути дела, ничего не доказывает.

Автор пишет о том, что «в течение нескольких лет в тематическом плане ИЯЛИ КиргизФАНа разрабатывается научно-исследовательская тема «М. Горький и киргизская литература» и что «в скором времени эта работа будет завершена». Но Самаганов скромно умалчивает, что автором этой темы является он сам и что работа эта уже не первый год кочует из плана в план.

Схематизм, упрощенчество, абстрактные рассуждения свойственны и статье П. Балтина «Маяковский и киргизская поэзия». Автор многословно говорит о значении Маяковского вообще, произведения киргизских поэтов и Маяковского он сравнивает, не проникая в глубь содержания творчества Маяковского, не разбирая многосторонней проблемы влияния талантливейшего поэта нашей эпохи.

Останавливаясь на влиянии произведения Маяковского «Стихи о советском паспорте» на поэта Т. Уметалиева, критик пишет: «Очень хорошие стихи Темиркула Уметалиева о восточной Европе написаны на основе этой «традиции». Но об этих «очень хороших стихах» мы ничего не узнаем из статьи. Читатель также должен сам догадываться, какие стихи Уметалиев написал для детей под влиянием «Что такое хорошо и что такое плохо» Маяковского. О влиянии поэмы Маяковского «Хорошо!» на стихотворение Токтомушева «Будем праздновать» Балтин судит лишь по наличию в стихотворении киргизского поэта цитаты из строк Маяковского: «Лет до ста расти нам без старости». Говоря о «Левом марше» В. Маяковского и «Великом марше» М. Элебаева, Балтин не показывает, что же нового содержится в творчестве киргизского поэта, не показывает, как сочетаются национальные поэтические традиции и традиции поэзии Маяковского.

В статье не определены задачи творческого освоения наследия Маяковского киргизскими поэтами, не подвергнуты критическому анализу ошибки по этому вопросу, имеющие место у некоторых киргизских поэтов и литературоведов.

Таким образом важнейшая тема о влиянии русской классической и советской литературы на киргизскую в сборнике поставлена, но осталась нераскрытой.

Статья Д. Самаганова «Повесть о большом счастье» представляет собой простой пересказ повести К. Баялинова «Счастье»: критик не дает глубокого анализа произведения.

На примере этого сборника особенно наглядно проявляется общее неудовлетворительное состояние литературоведения и литературной критики в Киргизской республике. Чем же объяснить такое состояние?

Органы ССП Киргизии — журнал «Советтик Кыргызстан» (редактор Т. Уметалиев) и альманах «Киргизстан» (редактор Н. Чекменев) — ни разу не организовали дискуссию по актуальным проблемам киргизской литературы. В номерах журнала «Советтик Кыргызстан» отдел критики и библиографии почти всегда отсутствует, а немногие опубликованные критические статьи стоят на очень низком теоретическом уровне. Журнал и альманах неоднократно подвергались резкой и справедливой критике в партийной печати республики и на недавно прошедшем республиканском совещании по критике, но все еще медленно перестраивают свою работу.

Литературоведы и критики слабо изучают современную киргизскую литературу, не делают глубоких обобщений. Недостаточен приток молодых талантливых сил. Среди литературоведов и критиков не велись принципиальная критика и самокритика, товарищеская взаимопомощь и деловые отношения. Чего стоит, например, письмо Д. Самаганова в редакцию журнала «Советтик Кыргызстан» (№ 10, 1952), в котором он оспаривает у Б. Керимджановой «приоритет» издания неполноценного «Сборника статей по киргизской литературе»!

Необходимо добиться решительного перелома в киргизском литературоведении и литературной критике. В этом — одна из важнейших задач ССП Киргизии и Института языка, литературы и истории, которому пора стать подлинно научным центром литературоведения в республике.

С. ДАРОНЯН,
К. ИМАНАЛИЕВ,
аспиранты восточного отделения филологического факультета Московского университета

* «Кыргыз адабияты жонундогу макалалар жыйнагы». Изд. Киргизского филиала АН СССР, Института языка, литературы и истории. Фрунзе, 1951, 208 стр. Отв. редактор Б. Керимджанова (на киргизском языке).

ХАРАКТЕР И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

А. АНАСТАСЬЕВ

В каждой своей пьесе Г. Мдивани встречается с новыми для себя героями, входит в не знакомую ранее область жизни. В его драматических произведениях действуют борцы республиканской Испании, советские пограничники, герои Великой Отечественной войны, рабочие и руководители социалистической фабрики, наши героические предки, современные люди доброй воли, отстаивающие мир и демократию.

Широкий тематический диапазон драматургии Г. Мдивани говорит о желании писателя охватить своим взором различные стороны современной жизни, близкой и далекой истории, и было бы совершенно неверно возражать против многотемности творчества драматурга; напротив — это ценное и не столь часто встречающееся свойство таланта. Однако необходимо учитывать трудность частых переходов из одной жизненной сферы в другую и иметь в виду, что многотемность творчества отнюдь не может оправдать поверхностного знания изображаемой действительности.

Пьеса «Новые времена», напечатанная в журнале «Театр» и поставленная на многих сценах страны,— нова в творчестве Г. Мдивани не только своей темой, но и некоторыми художественными чертами, означающими для драматурга шаг вперед. Если в прежних пьесах экзотика обстановки, острые изгибы интриги, условные сюжетные ситуации нередко подменяли правду человеческого образа, то в «Новых временах» Г. Мдивани видит свою задачу прежде всего в создании правдивого, типического характера советского человека. И дорого то, что человек этот — председатель колхоза Василий Агафонов — фигура крупного масштаба, личность, отмеченная чертами коммунистической морали.

Основное содержание пьесы заключается в том, что Василий Агафонов, коммунист, умудренный двадцатилетним опытом руководства колхозом, приходит к выводу, что в наше время высокой агротехнической культуры он, окончивший в прошлом два класса приходской школы, не может руководить укрупненным хозяйством; его место, по твердому убеждению Агафонова, должен занять — и занимает — агроном, а он уезжает учиться.

По замыслу сюжет пьесы типичен и достоверен. Г. Мдивани увидел в жизни, в психологии передового советского человека новое качество, воспитанное партией: способность трезво, мужественно оценить свои силы и руководствоваться только интересами дела. Решение Василия Агафонова, по замыслу автора, — это конкретное и действенное проявление самокритики, ставшей не только движущей силой развития советского общества, но и одним из важнейших принципов человеческой морали.

Верная мысль раскрывается в принципе правдивой обстановке: объединение небольших колхозов в крупные хозяйства открывает перед колхозными тружениками, и прежде всего руководителями, неоглядные перспективы, но, естественно, ставит перед ними новые трудности, требует более широкого кругозора, больших знаний.

Все это открывало перед драматургом широкие художественные возможности. Во многом они реализованы. Василий Агафонов предстает перед читателем и зрителем, как сильный и самобытный характер. «Умный мужик», он обладает не только практической сметкой, но большим опытом, высоким коммунистическим сознанием важности порученного ему дела, широким размахом руководителя, по-настоящему партийным отношением к критике и самокритике. Эти черты раскрываются не в декларациях героя, а в характере, наделенном яркими индивидуальными чертами — широтой натуры, упрямой настойчивостью, юмором, приметами хорошего семьянина.

Очень удачен, например, первый же диалог Агафонова с лодырем и прогульщиком Мухиным; за напускным сочувствием Агафонова «обиженному» критикой Ване сразу виден настоящий коммунист, считающий нерадивость противоестественной в обстановке советского общества.

В своей новой пьесе Г. Мдивани успешно пользуется приемом подтекста. Показателен в этом смысле разговор Агафонова и приехавшего в колхоз агронома Сухова. Говорят они о неполадках в колхозе, о том, что надо их устранять, а «подводным течением» проходит другая мысль: приезжий, по слухам, полюбил библиотекаршу Зою, и Агафонову страшно важно узнать, так ли это, потому что любимица председателя Зоя давно считается невестой его сына Алексея.

Таких сцен, где видны живые черты героев, в пьесе немало. Мы ясно видим, каким тяжелым грузом легла на Агафонова мысль о том, что его единственный сын, которому он отдал столько сил и любви, оказался плохим агрономом; нас волнует ласковое, молодое отношение Агафонова к жене, которое не мешает, однако, председателю нанести Екатерине Григорьевне горькую обиду — освободить ее от заведывания птицефермой; интересно задумана и драматургически обставлена ночная сцена семейного разговора о дальнейшей судьбе Агафонова, о фамильной чести.

Эти хорошие качества пьесы определили естественный интерес к ней театров и зрителей, они дают основание порадоваться за драматурга.

Но все ли хорошо в пьесе? Нет. В ней есть серьезные просчеты и недостатки, которые имеют принципиальное значение, ибо они в известной мере отражают слабости нашей драматургии.

Хорошо известна истина, что идея драматического произведения раскрывается **в действии,** что принципы реализма требуют от писателя показа типических характеров в типических обстоятельствах. В пьесе Г. Мдивани жизненная обстановка, повторяем, правдива и типична. Но вот вопрос: почему Василий Агафонов пришел к мысли, что он больше не может руководить колхозом? Какие **обстоятельства** в жизни заставили его, опытного и умного хозяина, вложившего в строительство колхоза всю свою душу, все свои силы, оставить руководство колхозом? Это очень важный вопрос, ибо, только ответив на него, и ответив средствами **драматического** искусства, писатель сумеет до конца убедить нас в правоте героя, даст возможность понять жизненный смысл его поступков, внутренней борьбы, столкновений с окружающими.

Постараемся проследить, когда и почему у Агафонова возникло сомнение в своих силах, что укрепило это сомнение и привело к решительному выводу передать свой пост другому. Скажем прямо: сделать это очень трудно. Быть может, Агафонов почувствовал, что он теряет авторитет у колхозников? Нет, на протяжении всей пьесы он предстает, как человек, глубоко уважаемый и колхозниками и районным партийным руководством, как председатель передового подмосковного колхоза, отмеченный за свои дела в столичной газете. Может быть, председатель растерялся в условиях трудной весны, в горячую пору сева? Опять-таки нет. Он уверенно, умно преодолевает трудности, именно ему первому пришла в голову мысль прорыть трактором канавы, чтобы вода не застаивалась на поле, и мысль эта уже затем родилась в голове приезжего агронома Сухова.

Первое сомнение в своих силах Агафонов высказывает Сухову после того, как они узнали о гибели кур на птицеферме, и агроном предложил перевести ферму из заболоченного места в село Березовку.

— Ничего не поделаешь, Сергей Дмитриевич,— говорит Агафонов,— привыкли работать в маленьком колхозе, а сейчас, когда мы во как разрослись, иногда не все... так сказать... учтешь. Руки не доходят... А учитывать надо... все надо...

Но этот повод для сомнения мелок, а само сомнение не оправдано. Трудно же, в самом деле, поверить, что опытный председатель колхоза (пусть даже маленького) не знает, что кур надо держать в сухом месте. Об этом, кстати, вполне справедливо говорит Сухов: «...по-моему, каждому должно быть ясно, что нельзя держать кур в заболоченных местах». Трудно допустить мысль и о том, что Агафонов в повседневных хозяйственных заботах забыл о новых масштабах колхоза, ибо здесь же он резонно замечает: «Пойми, Чижик, Березовка давно уже в нашем колхозе».

Повидимому, чувствуя недостаточность повода для сомнений Агафонова, автор устами Сухова говорит, что птицефермой должен руководить специалист-зоотехник. Ну, а отсюда вывод: если во главе фермы должен стоять зоотехник, то руководить крупным колхозом может только агроном. Так оно и есть: **единственный** повод, который заставил Агафонова уйти с поста председателя, — это в принципе верная, но усвоенная им чисто логическим путем и не подкрепленная никакими конкретными, убедительными обстоятельствами мысль о том, что руководить крупным хозяйством следует агроному.

Здесь автор погрешил против правды жизни и нанес ущерб хорошо задуманному им характеру главного героя.

Действительно, во главе многих колхозов стоят сейчас агрономы; все возрастающие масштабы общественных хозяйств, новая техника, крепнущие связи науки и сельскохозяйственного производства настоятельно требуют от руководителей колхозов все больших агротехнических знаний. Но значит ли это, что сегодня хорошие, обладающие огромным опытом председатели-практики, не имеющие дипломов, должны непременно уйти от руководящей работы в колхозах? Разумеется, это не так. А ведь Агафонов, каким его показал Г. Мдивани (и в этом заслуга драматурга),— представитель того золотого фонда колхозных кадров, который был создан партией в деревне за годы колхозной жизни. Агафонов не стоит на месте, не ограничивается только практическим опытом, он, как это явствует из текста, «Мичурина читал, Тимирязева читал, на курсах обучался...» Такие, как Агафонов, росли вместе с ростом колхозов, поэтому непонятным самоуничижением кажутся слова героя пьесы: «...Вокруг все выросли... Богаче стали. А я? Кто я такой, Гордей? Тот же умный мужичок... и все...» Дальше Агафонов совершенно неоправданно жалуется: «Как же меня могут уважать мои агрономы?.. Они ведь больше меня знают... и понимают это, черти полосатые...» Но с каких же пор у нас перестали уважать людей богатейшего практического опыта, постоянно обогащающих этим опытом молодые кадры!

И уж совсем странно, что само слово «практик» представляется Агафонову «обидным» — «вроде как малограмотный какой-то». С этим несправедливым мнением согласен, повидимому, и автор, ибо в ответ на слова Агафонова ученый-агроном Сухов замечает: «Да... Конечно, это нехорошо... Но ведь таких малограмотных людей становится все меньше и меньше...»

Беда пьесы Г. Мдивани состоит не только в том, что в ней неверно решен вопрос о сочетании кадров практиков и кадров специалистов в руководстве колхозным строительством, но и в том, что поступок Агафонова, определяющий основной драматический конфликт, не вызван никакими реальными обстоятельствами.

Драматург наметил интересный, правдивый характер героя, раскрыл в отдельных эпизодах его примечательные черты, но забыл о том, что типический характер раскрывается полностью лишь в типических обстоятельствах; обстоятельств же, которые заставили бы Агафонова сначала задуматься о своей работе, а затем притти к решительному выводу, в пьесе нет.

Этот коренной недостаток пьесы привел к тому, что вполне возможный и интересный конфликт — борьба героя с самим собою — оказался сглаженным, облегченным. Несмотря на свои высказываемые вслух горькие сомнения, Агафонов, по существу, принял свое решение с большой легкостью. Его размышления о своей непригодности, не вызванные ничем, кроме умозаключения о том, что председателем должен быть агроном, напоминают самобичевание рефлексирующего интеллигента, в то время как по замыслу драматурга, надо думать, мужественное решение героя должно было притти в результате трудной душевной борьбы.

И это было бы интересно, волнующе. Вырасти на пути Агафонова реальная трудность, которую он сейчас не может преодолеть, окажись он в обстоятельствах (видимых и окружающим действующим лицам и зрителям), в которых реально обнаружился бы недостаток его знаний, опыта,— и вся пьеса стала бы на прочную драматическую основу. Агафонов — живой человек, наделенный гордостью, самолюбием, уверенностью в своих силах; он ничем не напоминает тех людей, которые с необыкновенной легкостью признают свои ошибки. Именно поэтому осознание своего хотя бы временного несоответствия на посту председателя неизбежно обернулось бы большой драмой, в которой полностью раскрылись бы коммунистические черты героя, и чувство долга одержало бы победу над самолюбием. Пока же Агафонову приходится «сражаться» с женой и отцом, которые, естественно, не понимают, что привело Василия к столь неожиданному решению. И не так уж неправ старый Степан Макарович, спрашивая Агафонова: «Ты что, свихнулся, сынок?»

На это можно возразить, что более сознательный Агафонов раньше других увидел свою неподготовленность к роли председателя укрупненного колхоза. Но беда в том, что и зрителям не ясно, почему Агафонов столь тверд в своем решении. Не помогает это уразуметь и дипломат Гордей, поддерживающий брата, и секретарь райкома Орехов, который сначала ни за что не хотел отпускать Агафонова, а потом по каким-то тайным мотивам согласился с ним и даже нашел ему заместителя в лице Сухова. Искусственность этой ситуации усугубляется тем, что, вопреки жизни, очередные перевыборы правления колхоза происходят в «Новых временах» в разгар весеннего сева, в самую горячую и ответственную пору колхозного труда.

Чувствует и сам драматург, что получается неладно: не было оснований у Агафонова покидать ответственный пост председателя. И, видимо, поэтому уже к концу пьесы устами секретаря райкома Орехова и агронома Сухова писатель заговорил вдруг о новых, неведомых нам и никак не обнаруженных в действии чертах героя. Оказывается, он «в колхозе за всех работал: и за председателя, и за агрономов, и за бригадиров». Более того: выясняется, что Агафонов не умеет работать с людьми, не доверяет им. Сухов так и говорит: «Нехорошо вы с людьми поступаете. Не доверяете им».

Однако эти новые черты, призванные, повидимому, оправдать непригодность Агафонова, насильственно навязаны ему. И, право, напрасно, нерасчетливо Г. Мдивани бросил тень на своего хорошего, цельного, сильного героя. Впрочем, герой от этого не пострадал, а драматург не добился цели: образная сила того Агафонова, с которым мы познакомились уже в самом начале пьесы, оказалась куда крепче, нежели выдуманные реплики бестелесных фигур, какими являются Сухов и Орехов.

Кстати, о Сухове. Будь он человеком ярким, самобытным, талантливым, более сильным, развитым, чем Агафонов, можно было бы поверить в то, что старый председатель, превыше всего ставящий интересы колхоза, по заслугам оценил силу и преимущества Сухова и уступил ему место. Но беда в том, что приезжий агроном — самое бледное лицо в пьесе. На протяжении четырех актов ему нечего делать, и он выступает лишь в роли советчика и нравоучителя. Заспорили, скажем, члены правления о строительстве хаты-лаборатории — Сухов тут как тут со своим назиданием: «Вы на верном пути. Но вам нужно повысить удойность коров, улучшить качество молока, увеличить нагул свиней. Вот почему именно теперь вполне своевременно поставлен вопрос о животноводческой хате-лаборатории». Пожалел Иван Иванович колхозные деньги — Сухов немедленно ему в ответ: «Если вы хотите умножить свои богатства, не надо бояться расходов».

Просто досадно становится,— не говоря уж о том, как это художественно неубедительно,— что скучный, пустой, во многом условный персонаж выдается автором за человека более сильного и яркого, нежели действительно интересный, талантливый, полюбившийся нам Василий Агафонов.

Явная неудача образа Сухова весьма поучительна. Пьеса «Новые времена» дает наглядное представление о том, как важны продуманная композиция драматического произведения, соотношение образов: увиденный в самой жизни и хорошо написанный характер Агафонова много проиграл оттого, что рядом с ним оказался такой слабый и совсем неинтересный персонаж, как Сухов. Художественно беспомощный образ Сухова, по сути дела, сыграл немаловажную роль в том, что в пьесе нет того драматического конфликта, который мог лечь в ее основу.

И еще: пьеса Г. Мдивани вновь подтвердила, как велика сила языка в драме. Именно благодаря точной речевой характеристике запоминаются нам и Агафонов, и его жена, и колхозный сторож Тарас, и эпизодическое лицо Ваня Мухин. Когда же драматург проявляет небрежность к языку,— образа не получается. Так вышло с Ореховым, с Суховым. Иногда же и хорошо намеченные характеры сильно страдают от нетребовательного отношения драматурга к речи. Так, например, член правления Иван Иванович, обсуждая вопрос о птицеферме, вдруг заявляет: «Я признаю кур только за обедом, и то в жареном виде»... Право же, эта избитая острота совсем не идет старому крестьянину, рачительному колхозному хозяину...

Г. Мдивани смело обратился к новой для себя теме. В некоторых образах своей пьесы он, как уже сказано, достиг известного успеха в трудном искусстве создания человеческих характеров. Этим радует пьеса «Новые времена» и позволяет надеяться, что вслед за ней появятся и более совершенные произведения. Хочется пожелать писателю большей глубины в изображении жизни, творческого, действенного постижения законов драматургии, большей требовательности к себе.

несколько сотен квадратных километров плодородной земли. Свыше 400 тысяч человек лишилось крова и так или иначе пострадало от наводнения.

Факты говорят о том, что такое наводнение (как и недавние наводнения в Англии и в Нидерландах) можно было предотвратить. Для этого следовало хотя бы укрепить и расширить уже имеющиеся несложные гидротехнические сооружения в поймах рек. Но господствующие круги Италии равнодушны к судьбам родины и народа. Они тратят огромные суммы на всякого рода «военные нужды» вместо того, чтобы заботиться о благосостоянии народа. В. Березин приводит поистине убийственные для правящих кругов итальянской буржуазии цифры. Ущерб от наводнения составил 300 миллиардов лир. Между тем из государственного бюджета было отпущено «в помощь населению» всего лишь 6 миллиардов с таким расчетом, чтобы еще 26 миллиардов лир собрать с населения в форме дополнительных налогов!

Братская помощь итальянскому народу пришла из Советского Союза.

И потому всюду, где были советские делегаты: в Генуе и в Милане, в Венеции и Неаполе, в Риме и крохотном Оккьобелло, в пойме разлившейся По, — всюду встречали их с благодарностью и любовью тысячи итальянских друзей — батраков и рабочих, крестьян и интеллигентов без различия политических взглядов.

Разнообразно и трогательно выражение благодарности простых людей Италии к «обществу справедливости и мира», как в те же дни назвала газета «Унита» Советский Союз.

Вот как рассказывает В. Березин об одном из таких искренних проявлений дружбы простых людей Италии при встрече с советской делегацией:

«Мы встречались в Италии с тысячами людей. Все эти встречи были волнующими и горячими, но некоторые волновали особенно сильно. Одной из них была встреча с тремя крестьянками из поселка Боско-Кьяро. Вот их имена: Мария Беренди, Аргия Виале, Ида Куато. Эти женщины потеряли все: жилища, имущество, работу. Каким-то чудом от всего дома Куато уцелела одна медная тарелка с тонким старинным рисунком, доставшаяся ей еще от матери. Эту тарелку женщина принесла советской делегации

— У меня больше ничего нет, только эта тарелка, — сказала Куато. — Передайте ее, пожалуйста, товарищу Сталину. Попросите его принять ее, как дар моего сердца и как благодарность нашего народа...»

Запоминаются страницы, где автор повествует о борьбе и сопротивлении итальянских трудящихся, об их глубокой симпатии к нашей стране, об их надеждах на будущее.

Полиция и местные власти пытались помешать изъявлению подлинных чувств народной Италии к мирной стране Советов. Автор пишет, что в Венеции «не разрешили провести митинг под открытым небом», что в Кавардзере полиция «запретила населению вывешивать плакаты, приветствующие советскую делегацию», и т. д. Но в эти же дни заокеанским адмиралам и генералам разрешалось проводить в итальянских портах смотры военного флота, выгружать боеприпасы для военных баз, а пьяным солдатам и морякам бесчинствовать на улицах итальянских городов...

Содержание книги В. Березина шире ее заглавия. Автору удалось рассказать не только о «рейсе мира», но и дать читателю представление об Италии в целом. Интересные факты исторического, политического и экономического характера сочетаются с правдивыми городскими и сельскими пейзажами, жанровыми картинками; взволнованный рассказ о героической деятельности итальянской компартии и Всеобщей итальянской конфедерации труда — с гневными и горькими страницами, посвященными реакционной роли Ватикана или хозяйничанью американских монополий в Италии.

«...Нас ожидает борьба, может быть, долгая и упорная,—сказал советским делегатам молодой сицилийский горняк. — Сейчас тяжело, но никто не опускает рук. Каждого поддерживает вера в победу...» Эта мысль выражает общие думы тружеников Италии, бедствующих на своей земле, но не теряющих надежд на прекрасное будущее.

Дм. ЕРЕМИН

СИЛА ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

В глухом селе на Смоленщине шестилетний мальчик, играя, разбивал молотком черепки блюдца на мелкие кусочки. Осколок попал в глаз. Только через несколько недель мальчика отвезли в земскую больницу. Все это произошло за много лет до Октябрьской революции. Федю лечил врач, знавший свое дело не лучше, чем персонаж, описанный Чеховым в рассказе «Хирургия». Лечение закончилось трагедией: мальчик потерял зрение. Так начинается повесть **П. Прохорова «Свет во тьме»** (Смоленск. 1952 г. 218 стр.).

Все переживания слепого мальчика описаны так искренно и правдиво потому, что автор не изобретал чувствительного сюжета, а писал о самом себе.

Мы видим два совершенно противоположных отношения к постигшему мальчика несчастью: ласковое внимание простых людей, трогательное участие сверстников и бездушное, холодное безразличие чиновников. Даже попытка научиться ремеслу оказалась неосуществимой. В ответ на прошение чиновник сказал: за обучение нужно платить триста рублей в год. Казалось неминуемым нищенство, которого Федор стремился избежать. Это понимал и он сам и его родные.

«— Ну вот, сынок, пришел? Где это ты так долго был? Подойди-ка сюда.

Я подошел к столу, и мать сказала:

— Ну, сыночек, сшила я тебе обновку, сейчас померим.

Я немного изумился и никак не мог понять, что за обновка.

— Ты не бойся, не бойся, подними руку,— и мать надела на меня новую холщевую суму...— Видно, тебе от этого не уйти и не убежать».

Но в стране произошли великие перемены, изменившие и судьбу слепого юноши. Вместо безрадостного скитания впотьмах по дорогам России — учение в специальной школе. Здесь открылся простор для любознательного юноши. Первые прочитанные слова, первый урок музыки, первый вечер самодеятельности — волнующие дни новой жизни Федора. А там — и физкультура, и обучение ремеслу, и занятия по всем предметам школьного курса.

Свою трудовую жизнь герой начал в щеточной мастерской. Здесь нашла свое применение его жажда «ощутимого дела». Каждый день наполнен заботой, волнениями, борьбой с трудностями и радостью успехов. Свет творческого труда озарил жизнь людей, которые в условиях капиталистического общества еще более, чем зрячие, обречены на жалкое прозябание.

П. Прохоров хорошо рассказал о себе и своих товарищах, но незаслуженно мало он говорит о педагогах, которые их воспитали и привили им трудовые навыки. Педагоги, люди большой души и неизменной любви к своему делу, могли стать интересными героями повести.

Автор не всегда правильно отбирает материал. Если детство, жизнь Федора в деревне описаны подробно, год за годом, то ученью героя в совпартшколе уделено всего несколько строк: «— Ну вот, кажется, и не заметила, как пролетели два года...— спускаясь с последних ступенек лестницы, сказала Полина.— А ведь сколько раз мы поднимались по этой лестнице, сколько раз трепетало сердце перед преподавателями».

— Да, трепетало...— односложно отвечает Федор.

А хочется больше узнать об этих интересных, насыщенных годах его жизни.

Повесть написана неровно. В первой части немало страниц точных, кратких, выразительных. Видна судьба человека, открываются его переживания, мысли. Вторая часть слабее. Автор как бы устал, торопится окончить книгу, подчас вместо описания жизни героя дает сухую информацию. Есть и ненужные, надуманные «красивости»: «Светлые звуки скрипки горячим серебром обжигали мою душу».

Эта простая повесть, показывающая гуманизм нашего общества, написанная человеком, которому советский строй открыл дорогу в настоящую жизнь, могла бы значительно выиграть, если бы автор получил большую помощь от редактора.

Г. КРЫЛОВ

Новые книги

Бородин А. Воспоминания о Ф. Листе. Музыкальное государственное издательство. 59 стр. Цена 1 руб. 10 коп.

Го Мо-жо. Избранное. Стихи, рассказы, пьесы, статьи. Перевод с китайского. Гослитиздат. 352 стр. Цена 6 руб. 70 коп.

Павленко П. Счастье. Степное солнце. «Советский писатель». 396 стр. Цена 6 руб. 70 коп.

Петльованный В. Трубы играют зарю. Роман. Авторизованный перевод с украинского Е. Дырина. Военное издательство. 220 стр. Цена 5 руб.

Стасов В. Михаил Иванович Глинка. Музыкальное государственное издательство. 334 стр. Цена 8 руб.

Татарские рассказы. Казань. Татарское государственное издательство. 260 стр. Цена 4 руб. 90 коп.

Толстой А. Избранные сочинения в шести томах. Т. 6. Пьесы. Рассказы. Публицистика. «Советский писатель». 633 стр. Цена 15 руб.

АМЕРИКАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ТРЕБУЮТ МИРА В КОРЕЕ

Американские женщины, действуя по собственной инициативе или организованно, в различных группах и комитетах защиты мира, активно выступают за прекращение войны в Корее.

По инициативе матерей, жен, сестер и подруг солдат, воюющих на корейском фронте, в штате Иллинойс создан комитет «Спасите наших сыновей», который начал кампанию за массовую посылку писем президенту США с требованием о прекращении огня в Корее.

Как сообщает газета «Дейли уоркер», в Белый дом направлено уже пять тысяч подобных писем. Комитет начал выпускать свою газету.

В Беллингеме (штат Вашингтон) матери трех американских солдат — П. Кэри, Р. Дэвис и М. Томас во время выборов в законодательные органы штата организовали голосование по вопросу о необходимости переговоров между США и СССР. По данным газеты «Дейли уоркер», около 100.000 жителей штата высказалось за такие переговоры.

Американские женщины собирают в городе Грэнд Рэпидс (штат Мичиган) подписи под Обращением за мир. «Подписывайте Обращение за мир во всем мире!», — гласит надпись на плакате.

Снимок из американской газеты «Дейли уоркер»

Различные формы носит борьба американских женщин за мир. На фотоснимке, который здесь помещен, изображены молодые американские сторонницы мира: белая и негритянка. Они собирают подписи в городе Грэнд Рэпидс (штат Мичиган). Словами своего плаката они выражают солидарность с женщинами всех стран земли: «В Детройте или Киеве, в Сан Хуане или Адис Абебе... вы хотите мира», и обращаются к своим согражданам с призывом: «Подписывайте Обращение за мир во всем мире!»

Во всех концах Соединенных Штатов слышится голос американских женщин, требующих прекращения войны в Корее, возвращения американских солдат домой, проведения политики мира между народами.

ЗЕРНО ВЗОШЛО!

Рассказ этот по насыщенности внутренним содержанием и охвату событий можно смело назвать маленькой повестью. На судьбе героя рассказа «Красная Тортиза» — немолодого чешского крестьянина, бывшего батрака и общинного пастуха Йозефа Ветровца, на судьбе его родной деревни Вишневой писатель Ян Дрда раскрывает огромные перемены, происшедшие в новой Чехословакии. Ян Дрда ведет повествование от имени самого Ветровца. Этот взволнованный задушевный монолог словно обращен одновременно и к односельчанам и ко всей стране, что как бы подчеркивает особую значимость всего происходящего в произведении.

Йозеф Ветровец — хоть и простой, малограмотный крестьянин, но великолепный рассказчик. Язык его сочен и гибок, сравнения метки, образы и характеристики поэтичны, когда он касается близкого и дорогого, и беспощадно язвительны, когда он бичует врагов или осмеивает тех, кто цепляется за старое. Многие его фразы так и просятся в пословицы и поговорки. Восприятие природы всегда окрашено горем или радостью, наполняющими сердце рассказчика.

Мачехой была для Ветровца старая Чехословакия, жизнь гнула и ломала его, но так и не истребила могучего духа, юмора, не отучила от острого словца. Но кому нужны были раньше его незаурядный ум, его жажда труда, его веселый, общительный нрав? Голова была забита одним: как бы не умереть с голоду.

Вот какие чеканные слова находит писатель для характеристики этой проклятой поры — и здесь нет ничего лишнего, хотя ничего не нужно и добавлять: «Когда-то и я без толку трудился на своем клочке земли: хоть маленький, да свой. И этим я обворовывал сам себя, потому что на моей халупе вместо черепицы лежала ипотека, в воротах стоял сборщик налогов, из нашей миски, что ни день, хлебал кулак, на которого мы работали с женой в расплату за упряжку лошадей, да ростовщик, у которого я занимал, чтобы отдать долги и проценты по долгам».

Но знакомимся мы с Ветровцом в другую, счастливую пору его жизни. Ныне он — председатель единого сельскохозяйственного кооператива, а на вишневских полях межи распаханы и никто не стоит с ложкой над тарелкой бывшего батрака. Как только Ветровец и его товарищи соединили в единое просторное поле свои жалкие клочки земли, перед ними открылись совсем другие горизонты жизни, впервые поняли они, в чем ее подлинная красота. Великолепно сумел сказать об этом писатель устами своего героя, словно подслушав его мысли в сотнях Вишневых:

«Иные «мудрецы» утверждали раньше, будто наша чешская страна только тем и хороша, что своими пестрыми крохотными полями — полоска к полоске, заплата на заплате, словно юбка бедной пастушки-сироты, пасущей скот на лужайке и призреваемой общиной.

Но с общинным призрением сирот у нас в Чехии уже покончено. А сейчас мы кончаем и с этой заплатанной юбкой, с этой нищей красой, которая не давала ни тепла, ни сытости. Мы хотим другой, новой красоты — просторной и щедрой красоты истинной свободы».

Эта красота — красота нового мира, путь к ней указали советские люди. Люди, которые принесли в Чехословакию освобождение, а затем открыли новым друзьям не только сердца свои, но и неисчерпаемую сокровищницу своего драгоценного опыта. И есть только одна мера благодарности за это — горячая любовь и верность в дружбе. Эту идею и раскрывает с большой взволнованностью и подкупающей искренностью рассказ Яна Дрды.

Советских людей Йозеф Ветровец, как и большинство его земляков, впервые увидел в огне битвы. Они появились в его Вишневой в тот страшный час, когда эсэсовские батареи начинали сносить в деревне дом за домом. Воины с красными звездами на пилотках спасли от гибели Вишневую, спасли всю страну. «Я целую их так горячо и порывисто, — говорит Ветровец, — как не целовал, наверное, даже мою Андулку, когда ухаживал за ней двадцать лет назад».

Пять бойцов поселяются в доме Ветровца, пять советских людей разных национальностей, и за полгода жизни в селе становятся для него самыми дорогими и близкими. Сначала с удивлением, потом со все большим чувством восхищения присматривается чешский крестьянин к своим новым советским товарищам. В его сознание входят как факты огромного значения и то, как дружат между собой русский, украинец, казах, грузин и азербайджанец, и то, с какой влюбленностью говорят они о своем мирном труде, о своих заводах и колхозах, и то, как умело работают, бескорыстно помогая жителям Вишневой, и как широко, по-государственному мыслят. Это какие-то другие, необычные, совсем новые люди! Писатель обнаруживает истинное понимание того, что происходило тогда в умах многих тысяч Ветровцов, понимание того переворота, который начинал совершаться в них под влиянием непосредственной встречи с советскими людьми. Вместе с драгоценным даром свободы они принесли чехам и словакам сознание того, что по-старому больше жить нельзя.

На берегу сельского пруда Плачка грузинский юноша, гвардии рядовой Георгий Чачвадзе говорит Йозефу Ветровцу, который годится ему в отцы: «...Вам нужно так перестроить жизнь, чтобы и здесь, в вашей прекрасной и богатой Чехословакии, людям хорошо жилось. Вы очень много страдали, но теперь вы свободны. Теперь власть в руках народа. Ты сам здесь, в Вишневой, представитель этой власти. Не останавливайтесь, переделывайте жизнь, переделывайте людей, иначе все: кровь, страдания — окажется напрасным!»

Далеко за полночь затягивается разговор. Грузинский колхозник ведет рассказ о далеком, родном колхозе «Красная Тортиза», — есть откуда черпать опыт тем, кто ищет выхода из нищеты, ибо советские люди проложили, проторили путь для своих освобожденных братьев. «И у меня перед глазами вырастала «Красная Тортиза» — сказочная страна за горами, за долами, и все же действительно существующая, живая, как вот этот черноволосый солдат, для которого она — родина. «Красная Тортиза»! Она и по ночам будет мне сниться...».

Сон становится явью. Писатель приводит своего героя в эту «сказочную страну». Вместе с крестьянской делегацией Йозеф Ветровец попадает в 1949 году в «Красную Тортизу», к своему старому другу Гоге Чачвадзе. Не прост был путь Ветровца, который привел его в далекую Грузию. Писатель не упрощает жизни, — в упорной и ожесточенной борьбе рождается новая чешская деревня, яростно сопротивляются богатеи созданию кооператива, запугивают активистов, пытаются убрать с дороги Ветровца. С художественной правдой и достоверностью, через точно найденные детали, показывает Ян Дрда неодолимость нового и бессилие, обреченность злобствующего кулачья. Беднота знает, в чем ее сила. Немного места занимает в рассказе история рождения сельскохозяйственного кооператива в Вишневой. И все же писатель достигает большой убедительности благодаря тому, что два лагеря села показаны им в действенном столкновении, в остром конфликте, показаны глазами активного участника борьбы, который свою силу черпает в сознании того, что такую же борьбу победоносно довели до конца его советские братья.

Щедрой и уверенной кистью написаны картины встречи делегатов с грузинскими колхозниками. Богатство колхоза «Красная Тортиза» производит огромное впечатление на гостей. Но писатель подчеркивает не только это и даже не столько это. Мечта Йозефа Ветровца о красоте человеческой жизни, о благородстве новых отношений между людьми находит свое реальное воплощение в том, что он видит в грузинском колхозе. Для него — это волнующее путешествие в будущее своей родины. Он захвачен весельем и щедростью хозяев, гостеприимством, широтой их душ, смелостью их мечтаний, мудростью стариков, жизнерадостностью юношей и девушек. Вот что происходит, когда человек из раба земли становится ее властелином! «Социализм и камню дает жизнь», — так формулирует для себя посланец чешских крестьян «чудо», представшее перед ним в «Красной Тортизе». И он ощущает, как «при виде красоты и радости советской жизни у нас тоже как будто вдруг вырастают крылья».

Мы прощаемся с Йозефом Ветровцом через два года после его возвращения в Вишневую, теперь — Красную Вишневую. По вечерам в доме председателя собираются бригадиры и трактористы, агрономы и доярки, звеньевые и скотники. Идет большой сокровенный разговор — и в планах-мечтах вырастает село, такое же богатое, как далекая «Красная Тортиза».

Поэтический рассказ! Хочется снова, и уже надолго, встретиться с полюбившимся нам героем, увидеть его дальнейшую счастливую судьбу, узнать, как в его Красной Вишневой, в его прекрасной стране все более и более богатые всходы дает «зернышко, посеянное русскими».

Юр. БУРЯКОВСКИЙ

Ян Дрда. «Красная Тортиза» (перевод с чешского В. Чешихиной). «Знамя» № 11, 1952 г.

ТИТАН ВОЗРОЖДЕНИЯ

К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФРАНСУА РАБЛЕ

Есть великие писатели, прославившиеся в веках всего одной, но бессмертной книгой, навсегда вошедшей в основной фонд человеческой культуры. Таков Франсуа Рабле, автор радостной и грозной книги «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Четыре века тому назад появились во Франции ее первые издания. Она выходила отдельными частями, с большими перерывами. Книгу Рабле преследовали католические попы, королевские чиновники, кальвинистские святоши; всем им она была ненавистна, так как Рабле учил в ней свободной мысли, критическому отношению к опорам феодального строя, к защитникам феодализма — церковникам, прикидывавшимся друзьями и наставниками народа.

Книга Рабле была проникнута воинствующим гуманизмом, и за это ее полюбила и взяла под свою защиту молодая Франция XVI века, передовые общественные силы страны — любознательный и стойкий трудовой люд французских городов, желавший видеть свою страну единой и свободной от поповского засилья и феодального произвола.

Преследуемый своими врагами — церковниками, автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» умер, успев издать четыре части своего романа. Но через несколько лет голос его зазвучал вновь — кто-то из близких ему людей опубликовал пятую и последнюю часть, составленную, видимо, по плану и наброскам самого Рабле, — не менее остроумную и смелую, чем предыдущие.

И затем на протяжении четырех веков книга «Гаргантюа и Пантагрюэль», переходя от поколения к поколению, служила и служит человечеству в его борьбе против отживающих сил общества, сопротивляющихся развитию новых экономических и социальных отношений, развитию передовой мысли и искусства.

Уничтожающий смех Рабле, сила его сатиры были грозны для феодального строя. Смех Рабле не смолк и после того, как рухнули твердыни европейского абсолютизма. Рабле смеялся не только над церковью и феодальным варварством, а и над жаждой наживы, над ростовщичеством, над спесью и тупостью буржуа — над пороками нарождавшейся европейской буржуазии, чью стяжательскую и подлую натуру Рабле разглядел уже в буржуа XVI века.

Книга Рабле помогала и помогает видеть и обличать уродство и бесчеловечность буржуазных отношений, пороки и преступления буржуазии, превратившейся ныне в класс реакционный, потерявшей связи с народом, растоптавшей принцип равноправия людей, заменившей его принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан.

Современная французская буржуазная критика стремится всеми способами фальсифицировать творчество великого гуманиста, выхолостить его прогрессивное содержание. «Рабле — не глубокий мыслитель», «Рабле — не великий ученый» — так озаглавливает отдельные разделы своего исследования о Рабле французский литературовед Жак Буланже. Другой французский ученый, Люсьен Февр, в своей работе «Проблема атеизма в XVI веке. Религия Рабле» расходует свою эрудицию на то, чтобы доказать «схоластический и примитивный» характер мышления великого писателя. Как отмечает в своей статье «Рабле гуманист» прогрессивный французский литературовед Анри Вебер, современная университетская критика оставляет за Рабле, как и за другими великими французскими писателями, «только формальные достоинства».

Этим фальсификаторам творчества автора «Гаргантюа и Пантагрюэля», отрицающим значение великого произведения, хочется ответить словами Белинского. «Французы, — писал В. Г. Белинский в статье «Мысли и заметки о русской литературе», — до сих пор читают, например, Рабле или Паскаля, писателей XVI и XVII века: тут нет ничего удивительного... Язык этих писателей, и особенно Рабле, устарел, но **содержание** их сочинений всегда будет иметь свой живой интерес, потому что оно тесно связано с смыслом и значением целой исторической эпохи».

Современная буржуазная наука, служанка сил реакции, выбросившей за борт знамя национальной независимости, всячески препятствует развитию национального сознания и передовой прогрессивной культуры. Вот почему эпоха Возрождения, время жизни и деятельности Франсуа Рабле, время, когда складывались современные европейские нации, особенно фальсифицируется сейчас в трудах буржуазных ученых, вот почему искажается наследие великих деятелей культуры этого периода.

Эпоха Возрождения, писал Ф. Энгельс, нуждалась в титанах и «породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености». Титанизм людей эпохи Возрождения — титанизм Мюнцера и Микель Анджело, Рабле и Шекспира — отражал титаническую силу народных масс, разбуженных всем ходом экономической и социальной ломки XVI века. Их сила сказалась и в великих достижениях культуры, завоеванных эпохой Возрождения.

Характерно, что и форма бессмертного романа Рабле — форма сказки-сатиры, в которой за гиперболой и гротеском чувствуются самая насущная реальность, самые острые злободневные вопросы французской жизни XVI века, — органически выросла из нарождавшегося во французской литературе XVI века нового демократического жанра «народной книги», быстро развивавшегося в связи с ростом книгопечатания.

Правящие классы Франции в XVI—XVII вв. задушили французскую народную книгу, не дали ей возможности развиться полностью: она была слишком могучим средством пропаганды в руках передовых сил французского общества. Но французская народная книга XVI века сделала свое дело хотя бы уж тем, что помогла Рабле найти для его замысла такую гибкую, такую в полной степени народную форму.

Народные книги XVI века, писал Ф. Энгельс, должны были прояснить нравственное чувство народа, «заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству». Эти слова полностью могут быть применены к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» — великому демократическому и патриотическому произведению французской литературы.

Талант большого художника, темперамент бойца, ученость гуманиста органически соединились в «Гаргантюа и Пантагрюэле» с гением народного творчества — с его мудростью, с его любовью к жизни, с непобедимой силой его смеха.

Хотя действие «Гаргантюа и Пантагрюэля» развертывается в некоей фантастической стране, которую Рабле называет Утопией, но по существу сам Рабле постоянно забывает об этом. Нет, страна, изображенная в первых трех книгах его романа, — это его любимая Франция, облик родины во всем разнообразии: Париж и Руан, города и деревни провинции, некогда раздиравшиеся феодальной смутой, а теперь объединяемые в одно целое.

Рабле создает беглые, но пленительные зарисовки французской природы, обычаев, климата — реальное, живое, многообразное представление о прекрасном крае, населенном трудолюбивыми, веселыми, мужественными людьми — французским трудящимся народом.

Книга Рабле — книга о борьбе за лучшее будущее. Все пять книг романа проникнуты чувством ненависти к злейшим врагам французского народа — к феодально-католической реакции, которая стояла за спиной любых иноземных неприятелей Франции XVI века, направляла и оплачивала их удары, сыпавшиеся на молодую и еще только набиравшуюся сил страну.

Смелый художник-реалист, использовавший богатейшие возможности сатиры, Рабле беспощадно издевался над самим папой — главнокомандующим армий реакции. Он не побоялся вывести его в своем романе в виде жирной и глупой птицы Папего — в виде старого злого попугая, тупо дремлющего после сытной кормежки.

Великий французский писатель понимал, что в объединении Франции в XVI веке централизованный монархический строй, сменивший феодальную раздробленность, играл исторически прогрессивную роль, был необходим на данном историческом этапе. Но видел Рабле и другое — расправы французского абсолютизма с народом, помогшим ему обуздать феодальную оппозицию, но не желавшим добровольно итти под ярмо усиливавшейся королевской власти.

Поэтому, желая создать в своем произведении образы идеальных, гуманных правителей народа, Рабле наделяет своих добрых и веселых королей Гаргантюа и Пантагрюэля чертами, прямо противоположными качествам реального французского короля, современника Рабле, циничного и лукавого Франциска I. Не раз приходилось писателю убеждаться в двуличности и жестокости Франциска, кровавого усмирителя народных движений, гонителя гуманистов.

Зато вполне реален, несмотря на сатирический гиперболизм Рабле, король Пикрошоль, надменный и самодовольный коронованный грабитель, жаждущий войн, видящий в них средство обогащения. Пикрошоль одержим нелепой мечтой о грандиозных завоеваниях, которые дадут ему возможность ограбить Европу, Африку, Азию — чуть ли не весь мир. В мыслях своих он уже император Трапезундский, повелитель бесчисленных стран и народов, покоренных его полчищами. Пикрошоля поддерживают и еще больше разжигают его соратники — герцоги Скуперляй и де Дребедень, капитан Дерьмо — так звучали бы их смехотворные прозвища, если их буквально перевести по-русски.

Особая тема книги Рабле — неустанно растущая власть золота, возникающие буржуазные отношения, которые выдвигают рядом с попом и феодалом еще одну зловещую фигуру — ростовщика. Продолжая и пополняя опыт народного творчества, Рабле выступает одним из первых великих французских писателей, осуждающих алчность стяжателя-буржуа, клеймящих растущую власть денег.

Пороки и преступления правящих классов французского общества увидены в романе Рабле глазами народа, страдающего от них, высмеяны посредством образов, заимствованных из сокровищницы народного творчества, осуждены словами народа. Французский язык романа Рабле щедро использует живую народную речь XVI века, что представляло собой смелое новаторство для литературы того времени.

Огромную роль в книге Рабле играет и сам народ, противопоставленный церкви, дворянству, ростовщической буржуазии, чинушам и лжеученым холопам реакции. Читатель «Гаргантюа и Пантагрюэля» видит народ в труде и веселье, в заботах и на празднике. Он слышит его мнения о важнейших вопросах французской общественной жизни, видит и ощутимо чувствует пробуждающееся самосознание народа, его растущую мощь.

Через книгу Рабле проходит целая толпа людей из народа — иногда безымянных, иногда обрисованных более полно, но всегда необходимых в данном эпизоде. Над этой толпой народных персонажей романа поднимается исполинская фигура брата Жана — силача и мудреца, подлинного сына Франции, одаренного мужеством, свободным и широким взглядом на жизнь, подлинным патриотизмом и благородством.

Во весь свой рост брат Жан выпрямляется в эпизодах, повествующих о разгроме полчищ Пикрошоля. Пока Гаргантюа только спешит на помощь к своему народу, пока горожане, знать и монахи переживают ужас первых вестей о нападении Пикрошоля, брат Жан уже становится на защиту родной земли. Он один, на нем простой подрясник, в руках его — какое-то древко от креста, а попросту сказать — дубина «в кулак толщиной», как не забывает прибавить Рабле.

В сказочном единоборстве великана Жана с целой армией содержится глубокий обобщающий смысл, вера Рабле в неисчерпаемые силы, которые пробуждает в народе стремление к независимости и свободе.

Глубоко примечателен тот факт, что именно брат Жан, человек из народа, становится инициатором устройства «Телемского аббатства» — олицетворенного золотого века на земле, осуществленного Гаргантюа по просьбе и плану брата Жана. Люди, живущие в Телемской общине, по законам брата Жана, не знают притеснений и эксплуатации, не знают власти денег и жестоких устоев средневекового феодального общества, строят свою жизнь согласно самой разумной воле.

Мечта Рабле о справедливом, человеческом социальном строе сложилась под влиянием утопических изображений идеального общественного строя, которые возникали еще в XVI веке, как отражение чаяний народных. Недаром сказочная страна, в которой происходит действие романа Рабле, прямо названа «Утопией».

Да, внимательный читатель «Утопии» Томаса Мора, Рабле мечтал о том, что когда-нибудь наступит царство справедливости в истории человечества, и был убежден, что для этого придется прежде всего покончить с господством денег. Но он не тешил себя мыслью о возможности сколько-нибудь скорого достижения подобной социальной гармонии и все силы свои отдал на то, чтобы по мере возможности содействовать делу борьбы за освобождение французского народа от феодального гнета, внести свой вклад в разгром лагеря феодально-католической реакции. Как сказал Белинский, именно в силу этого конкретно исторического актуального содержания книга Рабле и стала книгой, сохранившей свой **живой** интерес.

Прогрессивная французская общественность, ведущая сегодня борьбу за мир, за национальную независимость, за национальную культуру, видит в Рабле живого союзника. Об этом говорит уже тот факт, как широко отмечается юбилей Рабле, проводимый в этом году в соответствии с решением Всемирного Совета Мира, на страницах демократических французских изданий. Об этом говорит предложение депутатов-коммунистов в Национальном собрании «...организовать с максимальной широтой проведение 400-летия со дня смерти Рабле, писателя, гуманиста, педагога, защитника мира, поборника свободы, и придать этому мероприятию самый массовый народный характер».

Правители современной Франции, однако, и в связи с юбилеем Рабле решили лишь продемонстрировать свое пренебрежение к интересам французского народа, к его национальным традициям и вековым культурным ценностям. Как сообщает газета «Леттр франсез» в заметке «Ни одного су для Рабле», французское правительство не отпустило ни одного су для проведения юбилея. Но зато, говорится в заметке, большинство Национального собрания — 517 голосами против 100 — довело военный бюджет до 1.463 миллиардов франков.

Редакция газеты снабдила эту заметку ироническим, в духе Рабле, примечанием о том, что попытка установить связь между этими двумя фактами будет рассматриваться как покушение на моральный дух армии и нации и караться как таковое.

Однако связь между этими двумя фактами, говорящими о милитаризации Франции и попрании ее национальной культуры, ясна каждому честному французу, который в своей борьбе за мир обращается к великим национальным традициям французского народа, к сокровищнице французской культуры, где бессмертные творения Рабле занимают почетное место.

Об этом живом ощущении того, чем дорог автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» сегодняшней демократической Франции, хорошо сказал прогрессивный французский писатель Клод Морган в дни подготовки к юбилею Рабле: «В нашей повседневной борьбе Рабле приходит к нам на помощь, показывая, как нужно пользоваться непобедимым оружием смеха... который бичует и мстит, осмеивает, ниспровергает, изничтожает и творит справедливость».

Р. САМАРИН

По страницам печати

«Народна младеж» — Болгария, «Руде право» — Чехословакия, «Женьминьжибао» — Китай

Приходя домой после окончания трудового дня, рабочий пекинской народной типографии Ши Чжун-ци приносит детям угощение или красивые игрушки...

Снимок из китайского журнала «Женьминьхуабао»

В БОЛГАРСКОМ ПОРТУ

Еще в недавнем прошлом древняя Варна была городом резких контрастов. У моря, среди виноградников и садов, красовались роскошные виллы капиталистов, а на окраинах, в рабочих кварталах с узкими и грязными улочками, теснились маленькие, вросшие в землю лачуги бедноты.

«Представьте себе, — пишет газета «Народна младеж», — что вы покинули город восемь лет назад и сейчас снова вернулись в родной край. Вы не узнаете город, носящий ныне имя великого Сталина».

С каждым днем все краше становится город Сталин. Там, где были пустыри, раскинулись сады и парки, поднялись корпуса светлых, больших домов. Только для рабочих судоверфи имени Г. М. Димитрова и прядильно-ткацкой фабрики имени Христо Ботева построено за последнее время 550 благоустроенных квартир.

В городе открылся первый университет. Появилось много новых школ, открыты техникумы и институт, которые готовят тысячи юношей и девушек — кораблестроителей, учителей, медицинских работников.

«В порту кипит иная, чем прежде, жизнь, — сообщает газета. — Огромные портовые краны своими могучими стрелами поднимают из трюмов тяжелые тракторы, машины, грузовики, тюки хлопка, огромные ящики с различными товарами. Советские и наши корабли доставляют сюда машины с заводов Москвы, Харькова и других советских городов для строек социализма нашей Родины».

Город Сталин — крупнейший промышленный центр Болгарии. Его судостроительная верфь с помощью советских специалистов начала строить большие пассажирские и грузовые пароходы. Машиностроительный завод имени Коларова освоил производство дизельмоторов. Большинство текстильных фабрик города выполнило свои пятилетние планы менее чем за четыре года.

Город Сталин — не только крупный промышленный центр и порт, но и лучший морской курорт Болгарии. В виллах, где раньше жили богачи, — теперь санатории и дома отдыха для трудящихся.

«Гордость нашего Черноморья, — заключает «Народна младеж», — город имени Сталина растет и хорошеет с каждым днем».

НОВЫЕ ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ

Чехословацкие газеты сообщают о широком размахе жилищного строительства по всей стране. Реконструируется и строится Большая Острава — город шахтеров и металлургов. Близ центра добычи бурого угля — Моста — возводится новый город на 40 тысяч жителей. Растут кварталы города металлургов близ Кошице. Немало новых домов воздвигнуто в горняцких поселках Словакии — Рудняны, Млынки, Нижняя Слана, Рожнява. В строительные леса оделись многие районы Праги. Газета «**Руде право**» пишет об одном из этих районов:

«В том месте, где ныне поднялись новые многоэтажные дома и строится стадион «Динамо — Прага», 23 года назад жандармы выбрасывали на улицу жителей так называемой вагонной колонии, «портившей вид города». Юлиус Фучик писал тогда об этом: «Два дня «наглядного обучения» — 25 и 26 марта 1930 года. Это была школа под открытым небом на дороге между Страшницами и Вршовицами. В эти два дня ломали бараки вагонной колонии в Заградках...». Зимой люди остались без крова. Так народные социалисты и социал-демократы «разрешили» жилищный вопрос».

Теперь на этом месте в квартирах со всеми удобствами живут рабочие. Строительство домов все более расширяется, все новые семьи трудящихся получают квартиры.

«Так, — заключает газета, — разрешает наше народное правительство жилищную проблему в Чехословакии».

СОВЕТСКОЕ КИНО В КИТАЕ

Более двухсот советских фильмов, показанных на экранах Китая за три года, просмотрело почти 200 миллионов человек. 140 советских кинокартин дублированы на китайский язык.

«Особенно любят трудящиеся Китая, — пишет газета «Женьминьжибао», — такие фильмы, как «Незабываемый 1919-й», «Сталинградская битва», «Падение Берлина», «Смелые люди» и многие другие.

Советские кинофильмы помогают укреплению великой дружбы Китая и Советского Союза. Китайский народ, словно живых, видит в этих фильмах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Он узнает из этих фильмов о советских людях, о их жизни, труде. И в том, что Советский Союз стал для нас идеалом, прекрасным примером во всем, — немалая заслуга передового советского кино».

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00831.